

Кудрявцев О.Ф.

Западные известия о Руси первой половины XV в.

(статья опубликована в кн.: Европейское Возрождение и русская культура XV-середины XVII в.: контакты и взаимное восприятие. М., 2013. С. 31-67)

В Европе первой половины XV в. о Руси знали немногим более, чем в XIV в. И это выглядит странно, ибо в течение XIV- начала XV вв. значительная часть русских земель вошла в состав Короны Польской и Великого Княжества Литовского, правители которого в 1385 г., после заключения Кревской унии с Польшей, приняли католичество и обнаружили деятельное стремление свои земли и своих подданных приобщить к западнохристианскому, латинскому миру. Широкими были в первой половине XV в. торговые контакты русских земель с Европой, в особенности Новгорода и Пскова с ганзейскими городами, странами Балтийского и Северного морей. Наконец, русские посольства бывали в Европе и по религиозным делам, посетив церковный собор в Констанце (1414-1418 гг.) и приняв участие огромной делегацией в деятельности Ферраро-Флорентийского собора (1438-1439 гг.) по объединению церквей. Но и это мало отразилось на осведомленности европейцев о Руси. Те новые сведения о ней, которые им удавалось добыть и зафиксировать письменно, в частности первое систематическое описание Новгорода у Гильбера де Ланноа, были достоянием очень тесного круга тех, кто имел доступ к подобного рода трудам, тогда как в широком ходу оставались старые средневековые хроники и особенно мемуары Марко Поло, известия которых уже не могли отражать изменившиеся в XV в. реалии русской жизни.

***§ 1. Отчеты о путешествиях Иоганна Шильтбергера
и Перо Тафура***

Хорошо, если в Европе знали, что есть такая страна Русь. Могло быть известно также, что Русь, или «королевство Русь», «платит дань татарскому

королю», как писал в своем отчете о путешествиях Иоганн Шильтбергер, после его пленения османами в битве при Никополе (1396 г.) посетивший в течение тридцати лет двух лет (до 1427 г.) ряд стран Ближнего, Среднего Востока и Центральной Азии¹. И что это очень протяженная страна, делящаяся на несколько крупных частей; одну из них поминает Шильтбергер, который, возвращаясь домой, «прибыл... в другой город, называемый по-немецки Лемберг [то есть Львов – *Авт.*], главный город в Малой Белой Руси»². Из этих слов вытекает, что была известна, или по крайней мере подразумевалась еще и Великая Русь³.

¹ “Item das küngrich zu rewschen, das ist och zinsbar dem tartarischen künig” (*Schiltberger J. Reisen des Johannes Schiltberger aus München in Europa, Asia und Afrika von 1394 bis 1427. XXXVI / Hrgb. von K. Fr. Neumann. München, 1859. S. 107; Шильтбергер И. Путешествия Ивана Шильбергера по Европе, Азии и Африке с 1394 по 1427 году. Гл. XXXVI / Перевод с немецкого и примечания Ф. Бруна. Одесса, 1866. С. 60. Фрагмент Шильтбергера о Сибири в собственном переводе опубликовал М.П. Алексеев (Сибирь в известиях западно-европейских путешественников и писателей. Иркутск, 1941. С. 49-58).*

²“Dornach in eine heist deutsch limburch, und ist hopstatt in weissen reissen, des kleiner (Ibid. LXVII. S. 160; Там же. Гл. LXVII. С. 125, 126). О происхождении названий «Малая» и «Великая Русь» (или «Россия») см. ниже С. ? № ?. Здесь укажем только документы, в которых фиксируется имя «Малой Руси». На греческом языке название «Малая Россия (или Русь)»(ἡ Μικρὰ Ρωσία), похоже, впервые встречается в перечнях митрополий Константинопольского патриархата за 1303 г. (или за 1305 г.?) (*Notitiae episcopatum Ecclesiae Constantinopolitanae / Texte crit., introd. et notes par J. Darrouzès. Paris, 1981. P. 403. Append. 2, 3).* По-видимому, первое его латинское упоминание содержится в послании Гнезненскому архиепископу из Авиньона, датированном мартовскими календарями 1327 г.,

о епископской резиденции, находящейся «в пределах Малой Галиции, которая называется Русью, сиречь во граде Владимире» («... sedes episcopalis Lubucensis in partibus minoris Galathe, que Ruscia nuncupatur, in loco videlicet dicto Flandemiria» См.: Monumenta Poloniae historica / Ed. A. Theiner. Osnabrück, 1969 (1 изд. – 1860). № 376. P. 295). По справедливой догадке А. Соловьева, в тексте недоразумение и, поскольку ни о какой «Малой Галиции» речь идти не могла, то это место должно выглядеть следующим образом: «в пределах Малой Руси, которая называется Галиция» (Соловьев А.В. Великая, Малая и Белая Русь // Вопросы истории. 1947. № 7 (С. 28-38) С. 29). Через несколько лет, в 1335 г., последний галицкий князь Болеслав-Юрий (Георгий) П в грамоте, направленной к великому магистру Тевтонского Ордена Дитриху, сам называл себя: «Мы, Юрий, Божией милостью прирожденный князь всей Малой Руси» (“DeigratianatusduxtotiusRussiaeMinoris”. См.: Куник А.А. Объяснительное введение к грамотам и летописным сказаниям, касающимся истории Червонной Руси в XIV в., с приложением подлинных текстов // Болеслав-Юрий II, князь всей малой Руси. СПб., 1907 (С. 113-197). С. 154. См. также: Карамзин Н.М. История государства Российского. М., 1992. Т. IV. С. 125, 283. Прим. 276, и примечания к переводу Ф. Бруна – С. 126, 127; Назаренко А.В. «Новороссия», «Великороссия» и «вся Русь» в XII в.: церковные истоки этнополитической терминологии // Назаренко А.В. Древняя Русь и славяне (историко-филологические исследования). М., 2009 (С. 246-268). С. 250, 259), хотя на печати к этой грамоте он значился на одной стороне как «король Руси» (s[igillum] domini Georgiregis Rusie), на другой – как «князь Владимирский» (s[igillum] domini Georgiducis Ladimerie) (Ланно-Данилевский А. Печати последних галичско-владимирских князей и их советников // Болеслав-Юрий II, князь всей малой Руси. (С. 211-308). С. 246-249).

В те же годы, в 1334 г., в письме к французскому королю Филиппу IV венецианец Марино Санудо описывал и «Великую Русь», и «Малую Русь»;

эту последнюю он располагал к югу от первой, поясняя, что «на западе она граничит с Польшей, на юге – с Венгрией, на востоке – с [владениями] татарина Узбека, ее господина» (“Ameridie autem est Ruscia minor, que confinata occidentem cum Polonia, a meridie autem cum Ungaria, et a oriente autem cum Husbecco Tartarodominosuo praedicto”). См.:

Kunstmann Fr. Studien

über Marino Sanudo den Älteren mit einem Anhang seiner ungedruckten Briefe.

München, 1855. S. 105). Локализация, как видим, довольно точная и понятная. Цитированный памятник интересен еще и тем, что демонстрирует, как распространялись по Европе известия о Руси, ее местонахождении и ее подразделении на определившиеся уже к тому времени, по крайней мере в глазах европейцев, основные части – Великую и Малую Русь.

В середине-второй половине XIV в. в целом ряде документов византийского происхождения на греческом языке часто используется название «Малая Россия (или Русь)» наряду с названием «Великая Россия (или Русь)» и без него. Это обусловлено неоднократным разделением русской метрополии (по требованию литовских и польских государей, стремившихся добиться от константинопольского патриарха поставления для их православных подданных особого митрополита) или, наоборот, ее воссоединением (см. подробнее: *Соловьев А.В.* Великая, Малая и Белая Русь. С. 28-33. См. ниже: **С. ? Сн. ?**). Любопытно, что одно такое обращение в 1370 г. (?) польского короля Казимира III к патриарху Филофею в Константинополе озаглавили как «писание короля Ляхии и Малой России» («τῆς γῆς τῆς Λαχίας καὶ τῆς Μικρᾶς Ῥωσίας»). См.: *Acta et diplomata graeca medii aevi sacra et profana / Ed. Fr. Miklosich et J. Müller. Vindobonae, 1860. Vol. I. P. 577*).

Один из последних византийских церковных документов, в котором упоминается «Малая Россия», она же Галиция, как уточняется в нем, относится к 1401 г. (См.: *Acta et diplomata graeca medii aevi sacra et profana. Vindobonae, 1862. Vol. II. P.*

Как видим, составить представление о Руси из этого источника крайне проблематично. В рукописях произведение Шильтбергера имело некоторый круг распространения, если уже в 1475 г. его напечатали типографским способом в Аугсбурге⁴. Но заслуживает внимания то, что из этого раннего издания были исключены слова о даннической зависимости Руси от татар, по-видимому, по той причине, что более не отражали новые политические реалии, сложившиеся на Востоке Европы.

Несколько беглых упоминаний о Руси и русских содержится в сочинениях кастильского дворянина Перо Тафура «Странствия и путешествия», составленном между 1453 и 1454 гг. из дневниковых записей его поездки 1436-1439 гг. по странам Средиземноморья и Европы. В частности, Русь, наряду с Литвой, он целиком относил к владениям «герцога Витовта»⁵. В другом месте Тафур, опираясь, по-видимому, на широко распространенную и

529). Вместе с тем, как показывает текст Шильтбергера, этим названием в Европе продолжали пользоваться и дальше, а, значит, оно было известно и понятно, по крайней мере какой-то части образованного общества.

Впрочем, «Малая Русь» не была строго определенным названием. Часто, особенно поначалу, ею обозначали дальние юго-западные русские земли, прежде всего Галицию и Волынь. Но по мере расширения литовских захватов русских княжеств, этим названием обнимали уже почти все, исключая Киев (см. ниже С. ? Сн. ?), населенные православными области, подчиненные Литве и Польше.

³ О деноминации Великая Русь см. ниже: С.? № ?

⁴*Schiltberger J. Reisebuch. Augsburg, 1475 (Nachdruck – Leipzig, 1917).*

⁵*Тафур П. Странствия и путешествия. 164 / Перевод, предисловие и комментарии Л.К. Масиеля Санчеса. М., 2006 (в этом же изд. см. кастильский оригинал).*

давнюю – об этом писал еще Марко Поло⁶ – молву, говорил о великой красоте русских (*losroxosdeaquellapartelesvieneserfermosos*), так что «многие французы», возвращаясь из крестового похода через Русь, будто бы, «оставались и женились там»⁷. Еще раз русские упомянуты среди народов, представителей коих, согласно папской булле, *христианам* дозволено «покупать и вечно держать на правах пленников» (!), дабы они «не попадали в руки мавров и не отрекались от веры»⁸ (речь идет о работоторговле генуэзцев и венецианцев в Причерноморье). Все эти содержащиеся в книге Тафура, которая увидела свет только в XIX в., сведения о Руси, случайные и отрывочные, никоим образом не могли способствовать знакомству с ней Запада.

§ 2. «Хроника Констанцкого собора» Ульриха фон Рихенталя

Данные нотариуса Констанцкого собора Ульриха фон Рихенталя⁹ о русских участниках этого мероприятия (их привлекли в расчете на заключение локальной унии между православной церковью Западной Руси и Римом¹⁰) несколько полнее, хотя носят отрывочный и подчас недостоверный характер. Так, он говорит, что в 1418 г. на собор вместе с Киевским митрополитом Григорием Цамблаком (*derhochwirdigherrundertzbischoff, herrJergertzbischoffKyfionensis*) приехало представительное посольство,

⁶См.: *PoloMarco. Le livre* / Ed. par M.G. Pauthier. Paris, 1865 (Pt. 1-2). Pt. 2. P. 752, 753; *PoloMarco. Il Milione. Testo Ramusiano* / Pubbl. dal conte G.V. Badaloni Boni. Firenze, 1827. T. 2. P. 479.

⁷*Тафур П.* Указ. соч. 183.

⁸ Там же. 162.

⁹ Подробнее об Ульрихе фон Рихентале и его сочинении см. библиографию в работе: *Бойцов М.А.* Величие и смирение. Очерки политического символизма в средневековой Европе. М., 2009. С. 155. Прим. 5.

¹⁰ Об этом подробнее: *Флоря Б.Н.* Исследования по истории церкви. Древнерусское и славянское средневековье. М., 2007. С. 338-348.

включавшее в себя восемь (в другом месте – пять) епископов, однако скорее всего епископов с ним вовсе не было, а сопровождали его священники¹¹. Далее Рихенталь упоминает «двух герцогов греческого исповедания», а именно «герцога Смоленского, герцога Красной Руси», которые присутствовали на богослужении, устроенном митрополитом, вместе «с более чем тремя сотнями человек их веры»¹². Первый из них, смоленский князь по имени Федор (как выясняется из других мест «Хроники» Рихенталья¹³), скорее всего был в окружении римского короля Сигизмунда Люксембургского и находился в неприязненных отношениях с Витовтом, которого представляла делегация Великого Княжества Литовского¹⁴; вторым, то есть князем Красной, или Червоной, Руси, мог быть князь Федор Острожский, на собор прибывший скорее всего с Киевским митрополитом¹⁵;

¹¹ *Richental U. von. Chronik des Constanzer Concils 1414 bis 1418* / Hrgb. von M.R. Buck. Tübingen, 1882. S. 47, 133, 136, 139. Подробнее см.: Флоря Б.Н. Указ. соч. С. 341.

¹² „... zwen hertzogen von Kriechen. Der hertzog uss Schmolentzgi, der hertzog uss roten Rüssen und sust mere dann iii hundert irs glouben“ (*Richental U. von. Op. cit.* P. 139).

¹³ *Ibid.* P. 191, 207.

¹⁴ Об этом см.: Флоря Б.Н. Указ. соч. С. 341, 342.

¹⁵ С Федором Даниловичем Острожским его отождествляют А.В. Флоровский (Чехи и восточные славяне. Очерки по истории русско-чешских отношений (X-XVIII вв.). Прага, 1935. Т. 1. С. 300), Ю.К. Бегунов (К вопросу о церковно-политических планах Григория Цамблака // Советское славяноведение. 1981. № 3 (С. 57-64). С. 59; впрочем, чуть ниже Бегунов допускает, что этим «князем Красной Руси», дважды упомянутым в Хронике Рихенталья (см. также: *Richental U. von. Op. cit.* P. 206), был Федор Любартович, внук Гедимины, князь Луцкий, а позже – Владимиро-Волынский) и Б.Н. Флоря (Указ. соч. С. 342). Основание к такому

в списке Рихенталя указан еще один представитель православной знати, некий «герцог Павел из Правой Руси», находящийся в подчинении у Витовта»¹⁶.

Затем Рихенталь приводит большой перечень русских городов, входивших в состав Короны Польской и Великого Княжества Литовского и приславших на собор в Констанце своих посланцев (по-видимому, не только православного, но и католического исповеданий). Не все приводимые им названия можно соотнести с известными западнорусскими городами. Поэтому список городов ниже дается на языке оригинала: в тех же случаях, когда для перевода их имен есть более или менее надежные основания, русские эквиваленты указываются в скобках: «Эти города также были представлены в Констанце посольствами: Lutz (Луцк). Krimnitz (Кременец). Brissg (Брынск). Plon. Кумп (Киев). Samnitz (Каменец). Clingenburg (Звенигород). Kottogy. Resch. Lantzhüt. Sperburgsi. Jerassla (Ярослав). Will. Wittoffschy (Витебск). Smalergsi. Brantzog (Брянск). Starabub (Стародуб). Inder Rodoly (В Подолии): Bregla. Dalmatsch (Галич). Brantzeg (Брацлав). In Rüssen (На Руси): Primisil (Перемышль). Wischna (Вишня). Gredik. Lamberg (Львов). Sogul (Соколь). Cossgy. Brissgia. Gross Brantzgi. Butten. Klainargi. Grossargi. Buchur. Samber (Самбор). Sanack (Санок). Krossen (Красен). Rossnouw. Trochen. Bitsch. Fulnegg (Владимир Волынский)». Ряд названий из списка Рихенталя соотнести с какими-либо другими городами польско-

отождествлению дает одно место из стихотворной истории Констанцкого собора Томаса Пришуха (Thomas Prischuch), где упоминается «герцог Белой Руси, более того князь-герцог из Острога» (“Von wissen reusseneinherczog / mehrein fürstherczog von ostrog”). См.: *Geschichtschreiber der husitischen Bewegung in Böhmen* / Hrsg. von K. Höfler. Wien, 1865. Th. II. S. 376. Vers. 903-904).

¹⁶ “Hertzog Paulus von rechten Rüssen, ist under hertzog Witolden“ (*Richental U. von.* Op. Cit. P. 207).

литовской Руси не удастся, хотя нет сомнения, что со слов посланцев этих неустановленных городов секретарь собора записал так, как мог слышать, их наименования¹⁷.

Обращает на себя внимание, что весь список делится на три части: в первой без разбору даются наименования городов самых разных областей - Волыни, Галиции, Подолии, Киевской, Черниговской и других западнорусских земель; далее выделены три города «Подолии» и отдельно перечислены города «Руси», к которой автор в данном случае, судя по указанным им названиям, относит расположенные на крайнем юго-западе русские территории. И еще нужно заметить, что на той же странице, где речь идет о русских городах, указан и Смоленск (Schmolentzgi), однако среди населенных пунктов Малой Валахии (minderWalachy). Не исключено, что и к русским были причислены некоторые города других стран, не случайно в их транскрипции невозможно узнать какое-то русское название.

В других местах своей «Хроники» Русь, или «Русскую землю», Рихенталь подразделяет на «Правую Русь, Красную Русь, Белую Русь»; сразу за ними он называет «землю и город Великий Новгород», поясняя, что в нем исповедуют христианство¹⁸. Точно локализовать три указанных Рихенталем части Руси – Правую, Красную (Червонную), Белую – вряд ли возможно, да автор и не ставил перед собой такую цель, ибо он – не космограф, а хронист. Чаще всего Белой Русью Рихенталь именуется Смоленск, то есть Смоленскую

¹⁷*Richental U. von.* Op. Cit. P. 209. Нужно заметить, что в некоторых случаях Рихенталь давал транскрипцию на немецком языке названия города (например, Вишня - Wischna), а в некоторых - перевод на немецкий (например, Звенигород - Clingenburg). См. также: *Бегунов Ю.К.* К вопросу о церковно-политических планах Григория Цамблака. С. 342.

¹⁸ „... das ruschiss land, recht Russen, rot Russen, wiss Russen; das land und statt gross Noffagrott, was da christan ist“ (*Richental U. von.* Op. Cit. P. 50, 51).

землю¹⁹, хотя в одном месте он Смоленск относит к Красной Руси²⁰. Но это, скорее всего, по недоразумению или недосмотру, потому что в других случаях Смоленск и Красная Русь – это разные области страны. Белая Русь выступает у Рихенталя как предел, до которого простирается в одном случае Европа²¹, в другом – владения Витовта, великого князя Литовского и, соответственно, церковная юрисдикция митрополита Киевского Григория Цамблака²².

Что касается Красной, или Червоной Руси, то ее именем, скорее всего обозначались города и территории современного запада Украины, и по русской средневековой истории известные как «Червенские города». А вот «Правую Русь», которой владел «герцог Павел», отнести к какой-либо исторической русской территории не получается; предположение Ю.К. Бегунова о том, что перечисление частей Руси – Правая Русь, Красная Русь, Белая Русь – давалось у Рихенталя строго с юга на север и что герцог (или князь) Павел владел землями в современной Белоруссии²³, ничем нельзя подтвердить и никак не согласуется с тем, что названная второй «Красная Русь» находится южнее Белоруссии, если все же согласиться с тем, что Белоруссия обозначена как «Правая Русь» и дана в перечне первой.

¹⁹ Ibid. P. 136, 159, 191.

²⁰ „Der hertzog Fedur von Schmolentzgi in roten Rüssen“ (Ibid. P. 207).

²¹ «Europa ist das land, da wir inn sind und vahet an, an der wissen Rüssen zu Schmolentzgi...“ (Ibid. P. 159).

²² „Item magnus dominus Georgius Archiepiscopus Cunionensis. Et conjacet domino duci Witoldo de Littow... Ibi ipse habet tres episcopos et ab altera parte tendit ad Russiam albam” (Ibid. P. 171).

²³ Бегунов Ю.К. К вопросу о церковно-политических планах Григория Цамблака. С. 59.

Рихенталь трижды упоминает Великий Новгород²⁴, но нет никакой уверенности, что он рассматривает его как часть Руси. По его словам, «за Русью лежат два города, один называется Великий Новгород; это самостоятельный город и выбирает [себе] герцога как венецианцы; и много в нем серебра, драгоценного камня и соболя»²⁵. Сведения о Новгороде, хотя и скудные, но в общем и целом достоверные – Новгород в тот период являлся действительно независимым политическим образованием, власти его, как и в Венеции, были выборными²⁶, впрочем, неясно, кого разумел Рихенталь (или сообщавшие ему сведения посланцы этого города) под «герцогом», то ли князя, которого новгородцы по своему усмотрению призывали, то ли посадника, выбираемого ими из своей среды на срок; следует с доверием отнестись и к указанным богатствам Новгорода, пусть даже не уточнено, что они не добывались в его округе, а скапливались в нем как в крупнейшем торговом центре. Впрочем, в другой редакции Хроники Рихенталья, опубликованной в 1483 г., сказано яснее – новгородцы выбирают себе главу из своей среды, таким образом речь идет все-таки о посаднике; добавлено еще, что город очень богат серебром и всяким добром и имеет выход в море, а это значит – город торговый; наконец, сообщается, что цель новгородского посольства – обсуждение вопросов веры²⁷.

²⁴*Richental U. von. Op. Cit. P. 51, 133, 209.*

²⁵ „Es ligend hinder Rüssen zwo stett, haisst aine die gross Nonograt, das ist ain statt für sich selb und welt ain hertzogen als die Venedier und ist vil silbers, edelstain und zobel darinn“ (Ibid. P. 209).

²⁶*Янин В. Л. Расцвет и падение русской Венеции. Великий Новгород в XIII-XV веках // Родина. 2003. № 12. С. 9-14.*

²⁷“Auch der hinder Reüssenland ligt ein stat heüsst Die Gross Nonagrott und ist ein stat für sich. Unnd wöllent einen hauptman wen sy under inen wöllent. Und sol die reichest stat sein von silber und von gefüll. Und habent ein port des mers. Und

Другой город, описываемый Рихенталем после Новгорода, «зывается у Золотой Старухи. Они [его обитатели] поклоняются Золотой Старой Бабе. Это царство досталось одной старой вдове. Она наделила эту землю всякими благами. И они [жители] выбирают из своей среды господина, а занятия их [добыча] соболя, птицы и мяса»²⁸. В немецком тексте Хроники Рихенталья название города «у Золотой Старухи» дается почему-то по-латыни: «ad Auream Vettullam». Далее идет речь о поклонении обитателей этого города некой «Золотой Старой Бабе» (guldin alt wib), причем не уточняется, как и конкретно чему они поклоняются – изваянию, рисунку или изображению в красках или просто ее имени. Следует затем рассказ о старой вдове, всячески благодетельствовавшей этот край, обитатели которого имеют, как и новгородцы, выборную власть и живут охотой. Это, похоже, первое упоминание в трудах западных авторов о почитании населением современного северо-востока Европы некоей Золотой Бабы, однако по тексту Рихенталья нельзя с определенностью заключить, что оно поклонялось именно сделанному из золота кумиру, о котором часто будут сообщать описатели России XVI в.

Рассказ о городе «у Золотой Старухи» и почитании его обитателями некоей «Золотой Старой Бабы» Рихенталь мог записать скорее всего со слов новгородских послов, хотя вопрос, насколько достоверно, он передал их сообщение, остается открытым. В русских письменных документах сведения

betten ir botschaf von ires glaubens wegen“ (*Richenthal U. Chronik des Concilium zu Konstanz. Augsburg, 1483. Bl. CCXIb*).

²⁸ „Die ander haisst ad Auream Vettullam. Disselben bettend ain guldin alt wib an. Dasselb rich viel an ain alt wittwen. Die erliess das land aller aigenschaft. Und nement under inn ain herren und ist ir begangnuss zobel, gefill und flaisch“ (*Richental U. von. Op. cit. P. 209*). См. также: *Бегунов Ю.К.* Раннее немецкое известие о Золотой бабе // *Известия Сибирского отделения Академии наук СССР. 1976. N 11. Вып. 3 (С. 122-124). С. 122.*

о поклонении жителей Севера Золотой Бабе появляются в Московском летописном своде начала XVIв., отразившиеся в младшей редакции Софийской первой летописи, в которой под 1398 г. сказано о христианском просветителе Стефане Пермском: «се бо блаженный епископ Степанъ, Божий чловѣкъ, живяще посредь неверных чловѣкъ, ни Бога знающихъ, ни закона вѣдящихъ, молящся идолом, огню и вѣдь и каменю, и Золотой бабъ, и кудесникомъ, и вѣльхвом, и древью. А се живыщеим около Перьми имена местомъ и странамъ и землямъ иноязычнымъ: Двиняне, Устюжане, Вельжане, Вычегжане, Пенежане, Южане, Сирнине, Галичане, Вятчане, Лопь, Корьла, Югра, Печера, Вогуличи, Самоедь, Пертасы, Пермь великая, Гамаль Чюсовая...»²⁹. Русская летопись начала XVIв. зафиксировала, по-видимому, широко известное на Руси устное предание гораздо более раннего времени о языческом кумире в виде Золотой бабы, возникшее не позже рубежа XIV-XVвв. Из приведенного в летописи списка северных народностей, держащихся языческих верований, невозможно понять, какой именно поклонялся Золотой бабе. Не исключено, что о ней сообщали еще исландские саги под именем Йомали, женского божества, которому жители Биармии, то есть Подвинья, Вятской и Пермской земель³⁰, приносили пожертвования золотом и серебром, хотя, согласно другой точке зрения, Золотая баба – это вогульская богиня Куальтысьсан-торум, покровительница женской плодовитости и охоты³¹. Следует отметить, что в редакции первого

²⁹ ПСРЛ. Т. V. Софийская первая летописью СПб., 1851. С. 250.

³⁰ Об этом см.: *Туандер К.* Поездки скандинавов в Белое море. СПб., 1906. С. 295, 296, 409, 410, 415-426, 439; *Древняя Русь в свете зарубежных источников. Хрестоматия. Т. V / Составители А.В. Глазырина, Т.Н. Джаксон, Е.А. Мельникова.* М., 2009. С. 114, 115.

³¹ *Трубецкой Н.С.* К вопросу о «Золотой бабе» // *Этнографическое обозрение.* 1906. №. 1-2. С. 52-62; *Бегунов Ю.К.* Раннее немецкое известие о Золотой бабе. С. 123, 124. О других возможных источниках этого предания о Золотой

печатного издания Хроники Рихенталя (Аугсбург, 1483 г.) фрагмент о Золотой бабе опущен, поэтому скорее всего широкую известность в Европе сведения о ней получили после публикации «Трактата о двух Сарматиях» Матвея Меховского (1517 г.) и в версии, которую давал этот автор³².

Еще один и немаложный аспект идентификации жителей Руси в Хронике Ульриха фон Рихенталя – их конфессиональная принадлежность. В одном месте, ведя речь о посольствах Витовта из Литвы, из Валахий, от турок, от герцога из Белой Руси (здесь скорее всего Смоленска) и из других стран Восточной Европы, он говорит, что большинство их состава было язычниками, часть – схизматиками, часть держалась магометанской веры³³. Надо думать, что под схизматиками, то есть православными христианами, он имел в виду прежде всего «герцога из Белой Руси» и его сопровождение. Архиепископа Киевского и, соответственно, всю его паству – русских подданных Витовта, великого князя Литовского – Рихенталь также отнес к православному миру: «И находится его [Григория Цамблака] архиепископство меду греческими [то есть держащимися греческой, или православной, веры]»³⁴. Что касается Новгорода, который, по Рихенталю, возможно, и не являлся Русью, то в одном случае он вместе с другими ее частями признан страной христианской³⁵, в другом – недвусмысленно введен в число языческих городов и государств: «И с ним [киевским митрополитом – Авт.] пришло много господ и посланцев от языческих господ, от царя

бабе см. также: *Алексеев М.П.* Сибирь в известиях западно-европейских путешественников и писателей. С. 116-121.

³² См.: *Матвей Меховский.* Трактат о двух Сарматиях. II.П.1 и письмо к Иоанну Галлеру / [Подготовка латинского текста], введение, перевод и комментарии С.А. Аннинского. М.; Л., 1936. С. 116, 120, 192, 196.

³³ *Richental* U. von. Op. cit. P. 47.

³⁴ “Et jacet suus archiepiscopatus intra Grecorum” (Ibid. P. 171).

³⁵ Ibid. P. 51.

султана, от великого хана, от короля Аравии, от города Великого Новгорода и от других больших языческих городов и господ»³⁶.

Как видим, упоминание Руси на страницах Хроники Рихенталя встречается довольно часто, но составить по ним сколько-нибудь ясное представление о ней невозможно: указаны три части Руси, но их местонахождение можно представить по-разному и оно не определяется – точно так же, как и ее городов, впечатляющий перечень которых приведен хронистом; верховным ее правителем назван Витовт, великий князь Литовский, хотя часть указанных территорий и городов находилась под властью короны Польской; о другой Руси, расположенной восточнее, нет даже упоминания; о Новгороде сказано немного подробнее, но непонятно, он и его владения – часть Руси или находится за ее пределами; относя русских к православному миру, хронист путается с религиозной принадлежностью новгородцев.

Хроника Рихенталя, составленная в 20-30-е гг. XVв. по его записям, дневникам и воспоминаниям о Констанцском соборе, имела некоторый круг распространения; сохранилось не менее девяти ее рукописей³⁷. Но к моменту выхода в свет в 1483 г. в Аугсбурге одной из ее редакций все, что можно было почерпнуть в ней о Руси, совершенно устарело и не могло дать надежной информации об этой стране.

(пробел)

Логично было бы ожидать, что какие-то сведения о Руси будут зафиксированы теми, кто обязательно должен был проявлять к стране повышенный интерес в силу, скажем, деловых торговых связей с ней; прежде

³⁶ “Und komend mit in vil herren und botten von den haidischen herren, vom kayser soldan, von dem grossen kan, von dem küng von Arabia, von der stat gross Nofgrafye, und von andern grossen haidischen stetten und herren“ (Ibid. P. 133).

³⁷ *Бегунов Ю.К.* К вопросу о церковно-политических планах Григория Цамблака. С. 57, 58.

всего речь может идти о ближайших соседях Руси, а также о ганзейском купечестве, имевшем свое представительство в Новгороде, подолгу там находившееся и владевшее русским языком³⁸. Однако никаких сведений о ней ни те, ни другие не оставили. Старый русский историк объясняет такое молчание просто и по сути верно: «Из Пруссии и Литвы пробирались иногда рыцари и торговцы на Волхов; но по безграмотности, малограмотности или

³⁸ О торговле Новгорода и Пскова с Ганзой и странами балтийско-североморского регионов см. подробнее: *Бережков М.Н.* О торговле Руси с Ганзой до конца XV в. СПб., 1897. С. 128-224; *Никитский А.И.* История экономического быта Великого Новгорода. М., 1893. С. 229-299; *Goetz L.K.* Deutsch-Russische Handelsgeschichte des Mittelalters. Lübeck, 1922. S. 32 и в др. местах; *Лесников М.П.* Ганзейская торговля пушниной в начале XV века // Ученые записки Московского городского педагогического института им. В.П. Потемкина. Т. VIII. Кафедра истории средних веков. Вып. I. М., 1948. С. 61-93; *Казакова Н.А.* Из истории сношений Новгорода с Ганзой в XV веке // Исторические записки. М., 1949. Т. 28. С. 111-131; *Казакова Н.А.* Русско-ливонские и русско-ганзейские отношения. Конец XIV–начало XVI в. Л., 1975. С. 78-101; *Johansen P.* Novgorod und die Hanse // *Städtewesen und Bürgertum als geschichtliche Kräfte. Gedächtnisschrift für Fritz Rörig.* Lübeck. 1953 (S. 121-148). S. 138-140; *Johansen P.* Der Hansische Russlandhandel, insbesondere nach Novgorod, in kritischer Betrachtung // *Die Deutsche Hanse als Mittler zwischen Ost und West.* Köln; Oplanden, 1963. S. 39-57; *Хорошкевич А.Л.* Торговля Великого Новгорода с Прибалтикой и Западной Европой в XIV-XV вв. М., 1963. С. 16-18 и др. местах; *Angermann N.* Die Hanse und Russland // *Hanse in Europa. Brücke zwischen den Märkten. 12-17. Jahrhundert.* Köln, 1973. S. 271-280; *Angermann N.* Kulturbeziehungen zwischen dem Hanseraum und dem Moskauer Russland um 1500 // *Hansische Geschichtsblätter.* 1966. Bd. 84 (S. 20-48). S. 20, 21; *Рыбина Е.А.* Иноземные дворы в Новгороде XII-XVII вв. М., 1986. С. 24 и далее.

нелюбознательности они не вели записок»³⁹. Действительно, в отличие от итальянского, преимущественно флорентийского купечества, с середины XIV и в XV вв. составляющего для воспитания и нужд своего потомства «Записные книжки», «Хроники», хозяйственные и моральные наставления и прочие сочинения, посвященные прежде всего событиям личной и семейной истории, навыкам и секретам делового поведения, урокам пережитого (включая посещение чужих земель и народов) и опыту, почерпнутому у других людей или из чтения заслуживающих доверия авторов⁴⁰, ганзейцы в силу уровня своего культурного развития к тому времени еще не подошли к созданию подобной литературы. Кроме того, по мнению Ст. Мунда, писать о Руси, которую они все близко знали (речь, конечно, могла идти о северо-западе страны), в их глазах должно было выглядеть занятием ненужным,

³⁹Савельев П.С. Очерк путешествия в При-Балтийские страны, Великий-Новгород и Псков, совершенного рыцарем Гильбертом де=Ланноа, в 1412-1414 годах // Географические известия.1850. Вып. 1 (С. 17-35). С. 20. См. также наблюдения: *Kämpfer Fr.* An der Schwelle der Neuzeit – Europa und Russland um 1500 // Das Russlandbuch Sigismunds von Herberstein *Rerum Moscoviticarum Commentarii 1540-1999. Beiträge zu Ehren der internationalen Tagung im Oktober 1999 an der Universität Münster. Hamburg, 1999 (S. 17-35). S. 17, 18.*

⁴⁰ Из довольно большой литературы, посвященной запискам флорентийских «деловых людей» XIV-XV вв., укажем некоторые наиболее важные работы исследователей: *BecChr.* Les marchands écrivains. Affaires ethumanism à Florence (1375-1434). Paris, 1967; *BecChr.* Florence 1300-1600: histoire et culture. Nancy, 1986; *Renouard Y.* Les homes d'affaires italiens du Moyen Âge. Paris, 1968; *Брагина Л.М.* Итальянский гуманизм. Этические учения XIV-XV веков. М., 1977. С. 47-65; *Branca V.* Introduzione // *Mercanti scrittori / A cura di V. Branca.* Milano, 1986; *Краснова И. А.* Деловые люди Флоренции XIV-XV вв. М.; Ставрополь, 1995. Ч. I-II.

бессмысленным, а то и просто опрометчивым, так как их сведения, добытые долгим и тяжелым трудом, благодаря их же запискам сделались бы достоянием торговых конкурентов; и вообще купечеству привычней было заниматься ведением приходно-расходных книг, нежели сочинением мемуаров⁴¹.

§ 3. Мемуары Гильбера де Ланноа

О мемуарах стоит сказать отдельно: обращение к такому жанру литературы считалось предосудительным не только для купцов, но и для людей любого звания и состояния. Свидетельством тому по счастью уцелевшие записки автобиографического характера бургундского рыцаря Гильбера де Ланноа, для нас особенно ценные тем, что в них впервые в европейской литературе дано целостное и в некоторых случаях детализированное описание Северо-Западной Руси – городов Новгорода и Пскова⁴², их природных условий, экономики, социальных отношений, политического режима, религии, нравов и внешнего вида их жителей, военной мощи и оборонительных сооружений.

а. Боязнь «суетной славы»:

мотивы посмертной публикации мемуаров

«Великая любовь, которую в свое время я питал к премудрому, благородному и доблестному рыцарю мессире Гильберу де Ланноа, советнику и камергеру моего досточтимого господина сиятельного герцога

⁴¹ *MundSt. Guillebert de Lannoy, un observateur fiable de la réalité russe au début du XVe siècle // Hainaut et Tournais regard sur dix siècles d'histoire. Recueil d'études dédiées à la mémoire de Jacques Nazet (1944-1996). Bruxelles, 2000 (P. 179-193). P. 180; MundSt. Constitution et diffusion d'un savoir occidental sur le monde "russe" au Moyen Âge (fin Xe-milieu XVe siècle) // Le Moyen Âge. Revue d'histoire et de Philologie. 2004. T. CX. N 2 (P. 275-314). N 3-4 (P. 539-593). P. 293, 294.*

⁴² См. об этом: *Мунд Ст. Ланноа Гильбер // Культура Возрождения. Энциклопедия. М., 2011. Т. 2. Кн. 1 (С. 25, 26). С. 26.*

Филиппа Бургундского, коменданту его замка к Эклюзе и [кавалеру] ордена Золотого Руна, владетелю Виллерваля и Санта (да простит его Бог!), при коем я был смиренным капелланом, побуждает меня собрать в этом трактате его путешествия и высокие деяния – не все, но только те, которые после его кончины я обнаружил записанные его рукой. Ибо пока он был жив, он никогда не дозволил бы и не пожелал бы предать их памяти [потомства] из опасения, чтобы они каким-либо образом не обернулись для него суетной славой (*depeurequereparaulcunefaconneluieusttourné àvaine gloire*). Возможно также, что те люди, которые отважатся путешествовать вооруженными или иным образом, почерпнут из них [сведения], а те, которые не дерзнут на это, читая их, будут сопереживать [тому, что в них рассказано]»⁴³. За этим указанием скромного капеллана на боязнь «премудрого, благородного и доблестного рыцаря» публиковать свои автобиографические заметки, то есть ими увековечить память о себе, определенно обозначено его стремление не нарушать строгие нормы средневековой христианской морали, запрещавшей человеку без достаточных на то оснований вести о себе речь, дабы в погоне за «суетной славой» не впасть в грех гордыни, губительный для души⁴⁴. Об этом запрете привлекать внимание к собственному «я» писали и прославленные мыслители, такие как Фома Аквинский, Данте, и смиренный монах-францисканец Салимбене де Адам (Пармский), получивший широчайшую известность в новейшее время благодаря находке неполного экземпляра его «Хроники». Впрочем, предусматривались и уважительные

⁴³*Lannoy Gh. de. Voyages et ambassades // Lannoy Gh. De. Oeuvres de Ghillebert de Lannoy, voyageur, diplomate et moralist / Ed. par Ch. Potvin, J.C. Houzeau. Louvain, 1878. P. 9.*

⁴⁴Огордынекаквеличайшемиопаснейшемизсмертныхгреховсм.:

Bloomfield M.V. The Seven Deadly Sins. An Introduction to the History of a Religious Concept with Special Reference to Medieval English Literature. Michigan, 1952.

поводы, когда автор, не рискуя впасть в грех гордыни имел право рассказать о себе, например, чтобы восстановить свое доброе имя, кем-либо незаслуженно оболганное, указать людям путь к добродетели и т. п.⁴⁵ Надо заметить, что капеллан, выступивший составителем и, возможно, редактором записей Гильбера де Ланноа, обозначил две подобные оправдательные для его патрона причины: познавательная роль этих мемуаров для тех, кто намеревается путешествовать, и воспитательная для обычных читателей. Таким образом, опасные последствия для души рыцаря, его обвинения в греховных намерениях – даже при том, что не он являлся публикатором собственных записей – были заботливо отведены.

б. Жизненный путь. Сочинения

Выходец из знатного дворянского рода графств Фландрии и Геннегау (Эно), сеньор Санта, Виллерваля, Тронкена, Бомона и Варньи, один из первых кавалеров ордена Золотого Руна (1430 г.), Гильбер де Ланноа (1386-

⁴⁵*Данте*. Пир. I. П. 12-14 // Данте Алигьери. Малые произведения. М., 1968. С. 115. Данте следовал в этом отношении за Фомой Аквинским (См.: *Thomas Aquinas*. Summa theologiae. 2a 2ae. Q. CIX. Art. 1. Ad secundum. Romae, 1894 (Vol. 1-6). Vol. 3. Ps. 2. P. 763; *Thomas Aquinas*. Super II Epistolam B. Pauli ad Corinthios lectura. Cap. 10. Lect. 2 / Ed. R. Buser. Torino, 1953. P. 82, 83), который, в свою очередь, ссылаясь на Григория Великого. См. также: *Салимбене де Адам*. Хроника / Перевод И.С. Култышевой, С.С. Прокопович, В.Д. Савуковой, М.А. Таривердиевой. М., 2004. С. 64, 65. См. работы на эту тему: *Зарецкий Ю.П.* Смертный грех гордыни и ренессансная автобиография // Средние века. М., 1992. Вып. 55 (С. 185-194). С. 185-187; *Зарецкий Ю.П.* Автобиографическое «я» от Августина до Аввакума. М., 2002. С. 10-16; *Зарецкий Ю.П.* История субъективности: Средневековая Европа. М., 2009. С. 34-36; *Кудрявцев О.Ф.* «Хроника» францисканца Салимбене де Адам: историописатель и время // Салимбене де Адам. Хроника (С. 825-861). С. 831-833.

1462 гг.) представлял собой не редкий для XVв. тип многостранствующего, кочевого, не лишённого авантюрной складки рыцаря⁴⁶, по разным поводам, а то и просто из желания «повидать мир» (*vëoirmonde*)⁴⁷, предпринимавшего путешествия по всей известной тогда Европе, Переднему Востоку и Северной Африке. Храня верность идеалам своего времени и сословия, он стремился служить всем, чем был способен, своим господам – как небесному, так и земным. Первый боевой опыт, будучи еще совсем юным, состоя в звании оруженосца, Гильбер де Ланноа приобрел в английских походах отряда графа Сен-Поля в 1399 г. и отряда графа Де ла Марш в 1401 гг., выступив в поддержку короля Ричарда II против Генриха Ланкастера; в 1408 г. он помог графу Эно подавить мятеж горожан Льежа; на стороне своего нового сюзерена (с 1412 г.) герцога Бургундского Иоанна Бесстрашного он участвовал в битвах с англичанами (в знаменитом сражении при Азенкуре 1415 г. попал в плен и едва не лишился жизни) и с арманьяками, а затем вместе с его преемником Филиппом Добрым, вошедшим в союз с английским королем Генрихом V, - в осаде Монтре и Мелена (1421 г.); по поручению своих государей он правил многочисленные посольства (в 1421-1423 гг. в Пруссию, Литву, Польшу, Молдавию, Крым, Константинополь, Египет, Сирию, Палестину с целью оповестить о новом мирном договоре между Францией и Англией (в Труа, 1420 г.) и вести пропаганду крестового похода против мусульман), в 1429 и 1442 гг. в Германию, в 1430 г. в Шотландию, в 1446 г. в страны Средиземного моря (Арагон, Венеция, Рим, Неаполь, Родос, Кипр, Яффа, Корфу), в 1433 г. на собор римско-католической церкви в Базеле), занимал административные должности (с 1416 г. губернатор Эклюза (совр. – Слейс), с 1426 г. – Роттердама), выполнял придворные обязанности чашника, а затем камергера и советника, по его инициативе в 1446 г. герцогом был учрежден для Бургундии Большой Совет,

⁴⁶*Савельев П.С.* Указ. соч. С. 21.

⁴⁷*Lannoy Gh. de.* Op. cit. P. 36.

постоянно действующий орган для ведения административных и финансовых дел.

Желанием угодить Богу – господину небесному – объясняются большой ряд паломничеств к святым местам, совершенных Гильбером де Ланноа (в 1403-1404, 1421 и 1446 гг. в Святую Землю, в 1414 и 1430 гг. к Святому Патрикию в Шотландию, дважды к Святому Якову Компостельскому (1408 и 1436 гг.), в 1450 г. в Рим для празднования юбилейного года), участие в борьбе с «неверными», к коим относились мусульмане и почему-то (?) литовцы, «схизматики», то есть православные, и «еретики»-гуситы и виклефиты, а также дипломатическая подготовка крестовых походов, осуществлявшаяся бургундским рыцарем в 1421-1423 и в 1446 гг. Движимый благочестивыми помыслами, Де Ланноа в 1407-1410 гг. воевал вместе с испанскими христианами против мусульман Гранадского эмирата; в 1413 г. те же мотивы побудили его выступить на стороне Тевтонского Ордена, напавшего на единоверных ему короля Польского и герцога Померанского под тем предлогом, что они состояли в союзе с Литвой, страной, хотя и к тому времени уже католической, но рассматривавшейся как сарацинская⁴⁸.

Кроме двух сочинений на темы морали и политики – «Воспитание юного государя» (не ранее 1439 г.) и «Отцовские наставления»⁴⁹, в коих представлены образы правителя и рыцаря, соответствующие идеалам феодально-аристократических кругов позднего средневековья, и записок

⁴⁸ Основные сведения о биографии Гильбера де Ланноа см.: *Студент Емельянов*. Путешествия Гильбера де Ланноа в восточные земли Европы в 1413-14 и 1421 годах // Киевские университетские известия. 1873. N 8. Отд. 2 (С. 1-46). С. 4-16; *Potvin Ch.* Introduction // *Lannoy Gh. de. Oeuvres* (P. VII-XCI). P. XI-XXXIII; *Ephémérides*. P. 181-221; *МундСт.* Ланноа Гильбер. С. 25, 26.

⁴⁹ *Lannoy Gh. de.* L'Instruction d'un jeune prince; Les Enseignements paternels // *Lannoy Gh. de. Oeuvres*. P. 291-472.

политического характера (avis), посвященных, в частности, борьбе с гуситами (1428 г.)⁵⁰, - от Гильбера де Ланноа остались также мемуары «Путешествия и посольства», в которые в качестве самостоятельной части включено «Паломничество по Сирии и Египту», созданное к 1423 г.⁵¹.

Если относительно «Паломничества в Сирию и Египет» есть свидетельства самого Гильбера де Ланноа, что в Александрии Египетской, после посещения места мученичества Св. Екатерины (в 1422 г.), он начал вести запись этого странствия, составившую книгу, один экземпляр которой он преподнес английскому королю Генриху V, а другой герцогу Бургундскому⁵², то никакими точными, бесспорными указаниями о порядке работы над его основными мемуарами – «Путешествия и посольства» - мы не располагаем. Высказывалось мнение, что к ним он приступил в конце своей жизни, перестав ездить в чужие страны⁵³. Допускалось также, что Де Ланноа писал свои заметки «или во время своих путешествий или сейчас после их совершения еще на свежую память», хотя, по догадке Студента Емельянова, которая выглядит вполне убедительно, «многое было записано им во время самих путешествий, впоследствии же – и это вероятнее всего случилось в старости... - он дополнял и приводил в порядок свои мемуары»⁵⁴. От

⁵⁰*Lannoy Gh. de. Oeuvres. P. 225-272.*

⁵¹*Lannoy Gh. de. Les pèlerinages de Syrie et de Égypte // Lannoy Gh. de. Oeuvres. P. 73-162.*

⁵² “Et mis, delà [После посещения места мученичества Св. Екатерины – *Авт.*] en avant, toutes mes visitacions pairescript dont je fis un livret quicy après’ensieut, duquel, auretour de mondessus dit voyaige, le roy Henry enotung par copie et monseigneur le duc de Bourgongne ung autre”
(*Lannoy Gh. de. Voyages et ambassades. P. 68.*)

⁵³*Mund St. Guillebert de Lannoy, un observateur fiable de la réalité russe au début du XVème siècle. P. 184.*

⁵⁴*Студент Емельянов. Указ. соч. С. 14, 15.*

путешествий у него действительно должны были оставаться очень короткие, хотя бы в несколько слов, заметки, в основном названия стран, рек, населенных пунктов и обязательно расстояний между ними; со временем он мог их дополнить отложившимися в памяти впечатлениями. Когда он начал это делать, точно установить невозможно. Но вот в записи о 1416 г. у Де Ланноа сказано, тогда «по возвращении из плена [в Англии – *Авт.*] я [Гильбер де Ланноа – *Авт.*] отправился к господину герцогу Иоанну Бургундскому, который пожаловал мне в капитанство замок Эклюз (l'Écluse), коим, по милости Божьей, я управлял тридцать лет»⁵⁵. Значит цитированная запись сделана в 1446 г. То есть в это время Де Ланноа уже вел работу над своими мемуарами. Составлены они на французском языке, хотя в тексте встречаются фламандские слова, а также специальные термины из других языков, в частности из русского, эквивалента которым на французском он, по-видимому, не мог найти.

Мемуары Де Ланноа «Путешествия и посольства» почти не имели распространения. Сохранились лишь две их рукописи, одна находится в Королевской Библиотеке в Брюсселе, переписанная рукой уже упомянутого капеллана отца Жана к началу мая 1465 г., вторая – в частной коллекции и датируется XV в.⁵⁶ Лишь в первой половине XIX в. усилиями ученых они были извлечены на свет и опубликованы⁵⁷. В силу этого их данные о русских землях не получили в Европе XV-XVI вв. известности. А они уникальны и резко выделяются по сравнению с тем, что и как писал Де Ланноа о других виденных им странах, полнотой, систематичностью и каким-то особым вниманием к русской жизни и природе. Одной экзотикой такой интерес объяснить нельзя, Де Ланноа посетил не менее диковинные для европейца края – Египет, Палестину, Крым, Балканы и Малую Азию, Испанию, - но не

⁵⁵ *Lannoy Gh. de. Voyages et ambassades. P. 51.*

⁵⁶ *Lannoy Gh. de. Oeuvres. P. 5-7.*

⁵⁷ *Potvin Ch. Introduction // Lannoy Gh. de. Oeuvres (P. VII-XCI). P. XXXV.*

оставил о них описаний, подобных рассказу о Руси, в особенности о Новгороде и Пскове. Трудно сказать, кому предназначал Де Ланноа свое описание Руси, вряд ли ливонским рыцарям, жившим с нею по соседству и так или иначе ее знавшим, хотя какую-то заинтересованность в посещении им земель Северо-Западной Руси они, вне всякого сомнения, имели.

в. Участие в военных предприятиях Тевтонского Ордена

в Прибалтике 1413-1414 гг.

Что заставило Де Ланноа, рыцаря, находившего применение своему оружию и у себя на родине, и в Англии, и в Испании, предпринять далекий и очень небезопасный путь по Северному морю, обогнуть Ютландию, дабы выказывать воинскую доблесть на берегах Балтики? Как всякий представитель своей эпохи Де Ланноа имел в виду прежде всего обеспечить спасение своей души; а самый прямой путь к этому для человека его звания и рода занятий – это участие в крестовых походах, битвах с язычниками и иноверцами. «Война с неверными, - по справедливому замечанию Студента Емельянова, - по понятиям того времени, представлялось делом душеспасительным, и она легко привлекала к себе Гильбера де Ланноа, отличавшегося рыцарскими наклонностями и религиозным чувством, так как она представляла возможность удовлетворения и того, и другого»⁵⁸. Де

⁵⁸Студент Емельянов. Указ. соч. С. 8. См. также: Каппелер А. Бургундский рыцарь в России (заметки об отчете Гильбера де Ланноа о поездках в Новгород и Псков в начале XV в.) // Источниковедение и краеведение в культуре России. Сб. к 50-летию служения С.О. Шмидта Историко-архивному институту. М., 2000 (С. 50-52). С. 50.

Стоит обратить в связи со сказанным внимание на то, что Петр из Дусбурга в «Хронике земли Прусской» (составлена ок. 1326 г.) рассказывает в связи с поражением крестоносцев в 1261 г. от восставших против них пруссов: в Германии некая женщина святой жизни имела видение – через ее келью проносилась с большим шумом толпа бесов, которые в ответ на ее

Ланноа мог также рассчитывать участием в подобного рода предприятиях преумножить свою воинскую славу и стяжать звание рыцаря, что ему в действительности и удалось.

Итак, весной 1413 г. Гильбер де Ланноа, по его признанию, «отправился в Пруссию, чтобы в составе армии, созданной прусскими рыцарями, выступить против неверных (*contrelesmescréans*)»⁵⁹. Речь шла о походе Тевтонского Ордена против герцога Померании и поляков, которых, хотя они, как и сам Де Ланноа, были католиками, он назвал «неверными». Орден, ведя тяжелую для него войну с поляками и литовцами (так называемую «Великую войну»), важнейшим эпизодом которой была Грюнвальдская битва 1410 г., завершившаяся страшным поражением крестоносного войска, воззвал о помощи к европейским рыцарям. Созданный для христианизации язычников, Орден, чтобы доказать свою легитимность в качестве защитника истинной религии, должен был скомпроментировать единоверных ему соседей, с которыми был в постоянной вражде, обвинениями в неверии и нечестии. В католическом мире не догадывались, что после 1385 г., начала крещения Литвы, существование Ордена потеряло всякий смысл и что он эксплуатирует невежество западных рыцарей, привлекая их к походам, цель

вопрос, куда они направляются, ответили, что в Пруссию и что там будет великая битва; возвращаясь же, они ей сообщили о поражении и гибели христиан, души которых будут спасены, кроме трех, кои участвовали в этой битве «не столько из благочестия, сколько ради упражнения в рыцарской доблести» (*nontantumdevocioniscausa, sedexercendimaliciam [=miliciam] suam*) (*PetrusdeDusburg.ChronoconPrussiae. Ps. III. Cap. 87. FrancofurtietLipsiae, 1679. P. 194. См. русский перевод В.И. Матузовой: Петр из Дусбурга. Хроника земли Прусской. III. 92 [так!]. М., 1997. С. 93*).

⁵⁹*LannoyGh. de.Oeuvres. P. 20.*

которых состояла уже не в том, чтобы кого-то крестить, а в том, чтобы расширить его владения или удержать их⁶⁰.

Выбор Пруссии для Гильбера де Ланноа, поучаствовавшего уже в крестоносных войнах против мавров в Испании (1407-1410 гг.), был не случаен. По сложившейся в XIV в. традиции графы Эно (Геннегау), вассалами которых была семья Де Ланноа, многократно отправляли своих сыновей на берега юго-восточной Балтики, чтобы те сражались в рядах тевтонских рыцарей⁶¹. Более того, с начала XIV в., по наблюдению А. Бертрана, хотя бы одна поездка с военными целями в Пруссию для многих молодых отпрысков европейской знати, обладавших для этого необходимыми материальными ресурсами, считалась совершенно обязательной. В Пруссии побывали старший брат Гильбера Гуго, сенешал графства Эно Жан де Веркен (JeandeWerchin), у которого в юности Гильбер служил оруженосцем, шурин Гильбера Жан де Рубэ (JeandeRoubais)⁶² в числе

⁶⁰ См. также: *Студент Емельянов*. Указ. соч. С. 1, 2.

⁶¹ *Potvin Ch.* Op. cit. P. XIV; *Paravicini W.* Die Preussenreisen des europäischen Adels. Sigmaringen (1989, 1995; Т. 1-2). Т. 1. S. 55-59, 78.

⁶² См.: *Halecki O.* Gilbert de Lannoy and his Discovery of East Central Europe // *Bulletin of the Polish Institute of Arts and Sciences in America*. 1943/44. Vol. 2 (P. 314-331). P. 318; *Paravicini W.* Die Preussenreisen des Europäischen Adels // *Historische Zeitschrift*. 1981. Bd. 232. Heft 1 (S. 25-38). S. 25, 26; *Bertrand A.* Un seigneur bourguignon en Europe de l'Est: Guillebert de Lannoy (1386-1462) // *Moyen Age. Revue d'Histoire et de Philologie*. 1989. Vol. 95 (P. 293-309). P. 295, 296; *Bertrand A.* Guillebert de Lannoy (1386-1462). Ses „Voyages et Ambassades“ en Europe de l'Est // *Publication du centre européen d'études bourguignonnes (XIV-XVI s.)*. Rencontres de Middelburg-Bergen (1990). 1991. Vol. 31 (P. 79-92). P. 83.

других представителей европейского дворянства⁶³, стремившихся послужить вере благочестивыми подвигами на поле брани в Восточной Прибалтике. Так что у Гильбера де Ланноа были убедительные примеры его господ и близких ему людей, избравших Пруссию в качестве места, где ратными трудами они надеялись стяжать спасение своей души⁶⁴.

Прибыв в Пруссию, Де Ланноа с тамошними рыцарями принял участие в летнем походе (*rèse*, или *reise*), а, вернее, в набеге «на Польского короля и герцога Померанского, которые оказывали помощь Сарацинам (*quifavorisoientlesSarrasins*)»⁶⁵. Именем «сарацин» могли называться необязательно мусульмане; Де Ланноа, несомненно, имел в виду литовцев⁶⁶. Его сообщение о летнем походе 1413 г. тем важнее, что об этом военном предприятии тевтонских рыцарей умалчивают другие источники⁶⁷; и,

⁶³ Для примера укажем Гадифера де ла Салля, выходца из знатного рода провинции Пуату (Франция), дважды, в 1378 и 1391 гг., отправлявшегося в Пруссию для участия в военных походах. См.: Канарец или книга о завоевании Канарских островов / Перевод со среднефранцузского И.В. Кривушина и Е.С. Кривушиной. М., 2009. С. 162. О других примерах участия западных рыцарей в прусских походах см. также: *Halecki O.* Op. cit. P. 317; *Paravicini W.* Die Preussenreisende europäischen Adels. Т. 1. S. 45-142; *Higounet Ch.* De La Rochelle à Torun: aventure de barons en Prusse et relations économiques (1363-1364) // *Le Moyen Age*. 1963. Vol. 69. P. 529-540.

⁶⁴ Так, отпущение грехов за участие в прусском крестовом походе было объявлено в графстве Эно (Геннегау) в 1362 г. и еще раз в 1410 г. – Пьером д'Альи (*Pierred'Ailly*), епископом Камбре. См.: *Paravicini W.* Die Preussenreisen des europäischen Adels // *Historische Zeitschrift*. S. 29, 30.

⁶⁵ См. примечание: *Lannoy Gh. de.* Voyages et ambassades. P. 26.

⁶⁶ См.: *Halecki O.* Op. cit. P. 317, 318.

⁶⁷ См.: *Kanneler A.* Указ. соч. С. 50. О летних и зимних походах Ордена см.: *Paravicini W.* Die Preussenreisende europäischen Adels. Т. 2. S. 53-55.

совершив его, рыцари нарушили перемирие⁶⁸. Поход длился недолго: вначале рыцари вторглись в Померанию, которую грабили четыре дня, разорив будто бы пятьдесят селений и «захватив множества скота в добычу»; затем тевтонцы оказались на территории Мазовецкого княжества, то есть собственно Польши, и там осадили город, который взять не смогли, потеряв при этом много людей убитыми. Сам Де Ланноа был серьезно ранен стрелой в руку, но зато получил посвящение в рыцари⁶⁹.

На этом собственно военные приключения Де Ланноа завершились. Правда, он попытался еще повоевать и на стороне ливонских рыцарей, состоявших в зависимости от тевтонцев, но планировавшийся ими зимний поход (*lareised'yver*) не состоялся⁷⁰. Непонятно, на кого они собирались нападать, то ли на Новгород или Псков, с которыми, впрочем, в то время у них были мирные отношения⁷¹, то ли на литовцев⁷².

2. Поездка в Новгород и Псков зимой 1413-1414 гг.

И вот тут-то, в Ливонии, не найдя себе занятия, движимый, надо думать, столь характерным для него желанием «повидать мир», Де Ланноа решается «предпринять поездку в Новгород Великий на Руси». Правда, если эта поездка только личная инициатива Де Ланноа, то почему понадобилось содействие магистра Ливонского ордена (в то время – Конрада фон Фитингоффа) для ее осуществления⁷³, и почему – что важнее – он пошел на

⁶⁸См. примечание: *Lannoy Gh. de. Voyages et ambassades*. P. 27. N 6.

⁶⁹ “Auquel assault me fut donné l’ordre de chevalerie...” (*Lannoy Gh. de. Voyages et ambassades*. P. 27).

⁷⁰*Ibid.* P. 28-31.

⁷¹*Савельев П.С. Указ. соч. С. 25-27.*

⁷² См.: *Канпелер А. Указ. соч. С. 50.*

⁷³ “Sy entrepris par le moyen dudit maistre, de m’en aller en la grant Noegarde en Russye“ (*Lannoy Gh. de. Voyages et ambassades*. P. 31). См. далее в скобках см.

«переодевание» и, по его собственному признанию, явился «под видом купца» (*enguisedemarchant*)⁷⁴? Хотя об этом «переодевании» сказано в том месте, где речь идет о переезде из Новгорода в Псков, скорее всего в роли купца Де Ланноа появился уже в Новгороде, ибо, во-первых, непонятно, зачем такой «маскарад» понадобился ему только во Пскове, а, во-вторых, поскольку в Новгороде его пребывание имело публичный характер и получило самую широкую огласку, то во Пскове перемена им личины могла быть легко замечена, что для него имело бы неприятные или даже плачевные последствия.

Итак, в русских городах Де Ланноа предстал купцом, хотя для него, только что возведенного в рыцари отпрыска знатного семейства, это означало сознательное, добровольное, пусть и временное, понижение социального статуса, чего он не должен был допускать. Кроме того, по сути речь шла об обмане, который можно было квалифицировать как самозванство, присвоение чужого имени и состояния, что считалось противным не только человеческим, но и божественным законам. Значит у Де Ланноа были какие-то очень важные причины пойти на сокрытие своего истинного положения в обществе и рода занятий. Конечно, в качестве купца ему было гораздо легче попасть в торговые города Новгород и Псков, тогда как рыцарю, приехавшему служить немецким крестоносцам, с которыми этим городам нередко случалось воевать, и неизвестно зачем пожелавшему их посетить, они вполне могли и не открыть свои ворота. Здесь уместно в виде предположения задаться вопросом, не выполнял ли Де Ланноа какую-то секретную миссию, дипломатического или военного характера? И такую цель его поездки нужно признать вполне вероятной, а, что касается военной, или разведывательной, миссии, то она была возложена на него скорее всего.

указание на Стр. русского перевода по изд.: *Кудрявцев О.Ф.* Великая Русь рыцаря Де Ланноа // *Родина*. 2003. N 12 (С. 76-79). С. 77.

⁷⁴ Ibid. P. 36 (С. 78).

Особенно учитывая внимание, которое Де Ланноа проявлял к оборонительным сооружениям русских городов и их вооруженным силам. Именно подобного рода цель, то есть помощь крестоносцам, этим, как считалось на Западе, преданным воителя за веру Христову, могла служить достаточным основанием, чтобы оправдать такой недостойный, преступный и богопротивный поступок бургундского рыцаря, как его переодевание в купца. И, похоже, поэтому Де Ланноа получил содействие ливонского магистра, который, надо думать, помог ему принять купеческий вид (Де Ланноа, вполне понятно, не располагал ни платьем, ни товаром, которые подобает иметь купцу). Следует добавить, что для ливонских рыцарей Де Ланноа был счастливой находкой: в 1413 г. он едва появился в Восточной Прибалтике, не участвовал в войнах Ордена с соседями и, следовательно, не был им известен, говорил по-французски и, возможно, по-фламандски и тем самым сильно отличался по языку от ливонских немцев, так что его можно было выдавать за чужеземца, прибывшего издалека с торговыми целями, и доверять деликатные поручения посреднического или разведывательного характера. На даже если этих заданий и не было, поделиться наблюдениями о положении дел и оценкой военной силы двух русских городов с ливонскими рыцарями, на стороне которых Де Ланноа приехал воевать, он, вне всякого сомнения, был должен.

Итак, в начале зимы 1413 г. Де Ланноа из Риги отправился в северо-восточном направлении, миновал несколько командорств и замков и около г. Нарва, переправившись через одноименную реку, «вступил в страну русскую»; ибо «эта река разделяет земли Ливонии и земли Руси, принадлежащие господам Новгорода Великого»⁷⁵. Сразу надо заметить, что в

⁷⁵*Lannoy Gh. de. Voyages et ambassades. P. 31, 32 (C. 77).
Маршрут Де Ланноа в Прибалтике подробно комментирует Х. Рэбас (Rebas H. Die Reise des Ghillebert de Lannoy in den Ostseeraum 1414/14. Motive und Begleitumstände // Hansische Geschichtsblätter. 1983. Bd. 101 (S. 29-42).*

отличие от Ульриха фон Рихенталя, своего современника, Де Ланноа вполне определенно рассматривает Новгород и его владения как Русь, русскую землю и постоянно это акцентирует в своем повествовании о нем.

Его путешествие по Руси проходило в санях (он их называет нижненемецким словом *sledes*⁷⁶), в которые он сел, как только оказался на русской территории, «по причине великого снега и холода». Недалеко от ливонского г. Нарва он нашел русский замок Низлот (он же: Нейшлосс, *Nyeuslot*; русское название – Новый Городок, или Сыренск) и, продвигаясь по «пустынным местностям, изобилующим лесами, озерами реками», минуя селения и замки, достиг Новгорода Великого. Воображение путешественника, нашедшего в удаленной и мало пригодной для жизни, пустынной местности огромный город, было, несомненно, поражено: «Новгород Великий – на диво большой город (*estlavilledelagranteNoegardemerveilleusementgrantville*), - писал Де Ланноа, - расположенный на громадной равнине в окружении обширных лесов, в низине, среди вод и болот; и по середине этого города течет очень большая река, называемая Волхов»⁷⁷. Это замечание об удивительной

S. 31-34). Кстати, Х. Рэбас задается вопросом, не имел ли Де Ланноа какой-то иной цели своей поездки в Прибалтику, кроме как сразиться за веру с теми, кого считал ее врагами, и приходит к заключению, что скорее всего он выполнял продиктованную политическими и коммерческими интересами Бургундии миссию, содействуя союзу этого государства с Эриком Померанским, королем Дании, Швеции и Норвегии, и с английским и голландским купечеством для их совместного противодействия на Балтике Ганзе (*RebasH. Op. cit. S. 42*).

⁷⁶ См.: *Савельев П.С. Указ. соч. С. 27; SolovievA.V.LevoyagedemessieredeLannoydanslePaysRusses // Orbisscriptus. Festschrift für Dmitrij Tschiezewskij zum 70. Geburtstag. München, 1966 (P. 791-796). P. 792.*

⁷⁷*Lannoy Gh. de.Voyages et ambassades. P. 32 (C. 77).*

величине Новгорода, высказанное человеком, незадолго перед тем побывавшем в Данциге, Кенигсберге и Риге, а на своем веку посетившем Париж, Лондон, Константинополь, крупнейшие города Нидерландов, Испании и Ближнего Востока, весьма примечательно и заслуживает полного доверия⁷⁸. Правда, тут же он критически отзывается об укреплениях города, который «обнесен плохими стенами (meschansmurs) из плетня и земли, тогда как башни из камня»; есть у них внутри города «замок, расположенный на упомянутой реке»⁷⁹, то есть речь идет, конечно, о кремле. Отдельно сообщает бургундский рыцарь о вооруженных силах Новгорода, точнее «всех его господ», и составляют они «сорок тысяч конницы и без числа пехоты»; далее он замечает: «Они часто воюют с соседями, особенно с рыцарями Ливонии, и одерживали в прошлом победы во многих больших сражениях»⁸⁰.

Итак, главным врагом Новгорода названы ливонцы, и понятно, что, наведываясь в этот город, Де Ланноа нужно было скрывать свою близость к ним. Понятно также, что все сведения о вооруженных силах и войнах новгородцев он привел, опираясь на показания самих новгородцев, многократно и, по-видимому, сознательно завысивших численность своих войск⁸¹.

Вместе с тем, в Новгороде с ним обошлись в высшей степени дружелюбно. Де Ланноа был принят епископом и «господами»

⁷⁸ См.: Савельев П.С. Указ. соч. С. 28; Канпелер А. Указ. соч. С. 51.

⁷⁹ Lannoy Gh. de. Voyages et ambassades. P. 32, 33 (С. 77).

⁸⁰ Ibid. P. 36 (С. 78).

⁸¹ См. также: Студент Емельянов. Указ. соч. С. 15. Наличие у Де Ланноа «местного осведомителя», то есть информатора из новгородцев предполагает Ст. Мунд (Описание Новгорода и Пскова в мемуарах “VoyagesetAmbassades” рыцаря Гильбера де Ланноа (1413) // Древняя Русь. Вопросымедиэвистики. 2002. N 1 (С. 47-50). С. 48).

Новгорода⁸². Довольствие его на себя взял епископ, считавшийся важнейшим лицом в городе, и все девять дней, пока Де Ланноа пребывал в нем, присылал ему «добрых тридцать человек с хлебом, мясом, рыбой, сеном, овсом, пивом и медом»⁸³. Припасы явно немалые и свидетельствуют о том, что бургундский рыцарь путешествовал не одиночестве, с ним были, по крайней мере, его слуги, о которых, впрочем, он ни словом не упоминает. Кроме того, верховными магистратами Новгорода в честь Де Ланноа был задан пир: «Вышеупомянутые тысяцкий и посадник дали мне обед, самый необычный и самый удивительный из когда-либо виденных мной»⁸⁴. Чем могло поразить русское угощение такого бывалого человека, как Де Ланноа, участвовавшего во многих придворных застольях разных стран и народов, - обилием и изысканностью яств, дорогой посудой, диковинными обычаями или еще чем-то – угадать невозможно⁸⁵.

Но совершенно очевидно, что Де Ланноа был встречен и содержался с большим почетом – так, как его, принимали послов или знатных иноземцев, но не обычных купцов, появление которых в Новгороде должно было быть заурядным явлением. Опять возникает вопрос, не имел ли Де Ланноа каких-то дипломатических поручений, не доверили ли ему вести с властями Новгорода переговоры; однако прямых или косвенных указаний на этот счет в его записках нет. Тогда, вполне возможно, Де Ланноа заинтересовал новгородцев как представитель далекой и плохо известной им страны –

⁸² «Et illecq allay devers ledit éveque et lesdits seigneurs” (*Lannoy Gh. de. Voyages et ambassades. P. 34 (C. 78)*).

⁸³ Ibid. P. 34 (C. 78).

⁸⁴ «Et me donnèrent les dessusditz duc et bourgrave ung disner, le plus estrange et le plus merveilleux que je vëis oncques” (Ibid. P. 34 (C. 78)).

⁸⁵ Даже пир, устроенный в честь Де Ланноа польским королем, состоявший из 60 пар блюд (Ibid. P. 53), не произвел на бургундского рыцаря такого же впечатления, как новгородское застолье.

Южных Нидерландов – и ему в этом качестве редкого и, по-видимому, желанного гостя была оказана такая высокая честь. Впрочем, не исключено, что новгородцы также знали или догадывались о том, что за Де Ланноа стоят ливонские рыцари, и давали ему понять об этой своей осведомленности, нарочито выделяя его почетным приемом из числа других гостей города.

Наблюдательность и хорошая информированность Де Ланноа проявилась в изображении основных черт политической и социальной системы Новгорода, сведения о которой он, впрочем, мог получить еще прежде от ливонцев или от ганзейских купцов⁸⁶. Новгород он характеризует как «вольный город, имеющий общинное управление (Et est une ville franche et seigneurie de commune...)»; «есть здесь епископ, сказано далее, - который является *как бы* (выделено мной – **О.К.**) их владыкой», его резиденция в замке (кремле), где возведена главная их церковь Св. Софии⁸⁷. Автор не упоминает веча, но он говорит, что управляет городом община, и что город независим. И этого было достаточно европейскому читателю записок бургундского рыцаря, чтобы Новгород воспринимался по аналогии с европейскими городами-коммунами⁸⁸, тем или иным способом

⁸⁶ Об этом см.: *MundSt. Guillebert de Lannoy, un observateur fiable de la réalité russe au début du XVe siècle*. P. 188.

⁸⁷ *Lannoy Gh. de. Voyages et ambassades*. P. 33 (C. 77).

⁸⁸ Ср. у Перо Тафура сходную характеристику политического строя Генуи: «Весь этот город со своими владениями управляется общиной (serige á comunidat)» (*Тафур II. Странствия и путешествия*. 13). Точно так же он описывает политическое устройство Базеля: «Управляет этим городом коммуна» (Там же. 233). См. также замечание Ст. Мунда о том, что политическая структура Новгорода в описании Де Ланноа напоминает «могущественные города Бургундских Нидерландов» (*MundSt. Travel Accounts as Early Sources of Knowledge about Russia in Medieval Western Europe*

приобретшими вольности, а то и – как, например, многие города Северной и Центральной Италии – полную самостоятельность. Хорошо показано и место епископа (на самом деле – архиепископа) – при том, что он формально считался первым лицом среди новгородцев⁸⁹, полномочия его были очень ограничены, поэтому он, согласно Де Ланноа, выступал «как бы их сувереном (*comme leur souverain*)», то есть как бы их верховным правителем; нужно заметить, что ситуация с новгородским епископом могла напоминать положение феодальных синьоров в Европе (многие из них были людьми духовного звания), в основном утративших реальную власть над городскими коммунами, но продолжавших считаться их сюзеренами.

Де Ланноа точно определяет правящий Новгородом класс, приводит даже его название по-русски: «В этом городе проживает много великих господ, именуемых ими боярами»⁹⁰. Чтобы продемонстрировать их богатство и силу он сообщает о некоем «горожанине», скорее всего из бояр⁹¹, «на диво

efromtheMid-ThirteenthtotheEarlyFifteenthCenturies

//

TheMedievalHistoryJournal. 2002. Vol. 5. N 1 (P. 103-120). P. 119).

⁸⁹ См. в этой связи: *Андреев В.Ф.* Северный страж Руси: Очерки истории средневекового Новгорода. Л., 1989. С. 99, 100.

⁹⁰ «... у а dedens laditte ville moult de grans seigneurs qu'ilz appellent *Bayares*» (*Lannoy Gh. de. Voyagesetambassades.* P. 33 (С. 78)).

⁹¹ П.С. Савельев (Указ.соч. С. 29) понимает *bourgeois* как «простой гражданин», что не может быть признано правильным. Де Ланноа ведет речь о некоем горожанине, необычно богатом даже для Новгорода земельными владениями, то есть о представителе земельной аристократии, которая и являлась местным, новгородским боярством. О боярском землевладении см. исследование: *Янин В.Л.* Новгородская феодальная вотчина (Историко-генеалогическое исследование). М., 1981. В.Н. Бернадский, правда, считает (Новгород и Новгородская земля в XVвеке. М.; Л., 1961. С. 176, 177), что в этом случае Де Ланноа давал пример «горожан-домовладельцев», известных

богатом и могущественном, который обладает земельными владениями в двести миль длиной»⁹². Если иметь в виду, что миля (*lieue*), составляла тогда приблизительно 4,5 км⁹³, то владение в 900 км, равное, а то и превосходящее по протяженности иные западные королевства (хотя цифра эта условная и очень-очень приблизительная, ибо Де Ланноа не мог проверить своего информатора, также как и его сведения в Европе не в состоянии были верифицировать), должно было впечатлить; тем более что за рубежом едва ли догадывались о малолюдности новгородских владений и редкости в них городков и селений. Новгородское боярство должно было восприниматься как аналог патрициата⁹⁴ наиболее могущественных европейских городов, как самодостаточная социальная структура, сосредоточившая в своих руках высшую власть⁹⁵: «И русские Великой Руси не имеют других господ, кроме

как «житьи люди», стоявших в новгородской социальной иерархии ступенью ниже боярства (Там же. С. 166-176).

⁹² “Etyatelbourgeoisquitientbiendeterredeuxcenslieuesdelong, richesetpuissans à merveilles...” (*Lannoy Gh. de. Voyagesetambassades*. P. 33 (С. 78)).

⁹³ Речь идет о нормандской «сухопутной миле». В других провинциях она могла иметь другие размеры, впрочем, не сильно отличающиеся от указанных в тексте. См.: *Grandvocabulairefrançais*. Paris, 1771. Vol. 16. P. 12-13. См. также комментарии И.В. Кривушина и Е.С. Кривушиной в кн.: Канарец или Книга о завоевании канарских островов... С. 170. N 99.

⁹⁴ Непонятно, что дает А. Бертрану основания заключить, будто бояр Де Ланноа считает разбогатевшими торговлей горожанами (*Bertrand A. Unseigneur bourguignon en Europe del'Est: Guillebert de Lannoy (1386-1462)*. P. 300; *Bertrand A. Guillebert de Lannoy (1386-1462)*. P. 86), ибо бургундский рыцарь ни словом не упоминает об их происхождении.

⁹⁵ См. о новгородской боярской олигархии: *Бернадский В.Н.* Указ. соч. С. 148-161; *Янин В.Л.* Новгородские посадники. М., 1962. С. 272, 273, 324-327; *Янин В.Л.* Проблемы социальной организации Новгородской республики // Россия

этих, [выбираемых] в свой черед по воле общины»⁹⁶. Речь идет о двух важнейших магистратах (*officiers*), управлявших городом и сменяемых ежегодно, кои именуются *duc* и *burchgrave*⁹⁷, то есть тысяцкий и посадник. Любопытно, что о приглашаемом новгородцами на определенных и строго установленных условиях князе, который по их усмотрению мог быть изгнан⁹⁸, у Де Ланноа даже не упоминается.

Правда, в другой рукописной версии «Путешествий и посольств»⁹⁹ имеется существенное дополнение, касающееся политического положения

и Италия. Материалы IV Конференции советских и итальянских историков. Рим. 1969. М., 1972 (С. 69-85). С 75-85; Янин В.Л. Новгородская феодальная вотчина. С. 213-229.

⁹⁶ “...etn’ont les Russes de la grant Russie aut resseigneurs que iceulx partour, ainsy que le commun veult” (*Lannoy Gh. de. Voyages et ambassades*. P. 33 (P. 78)).

В связи с этими словами Де Ланноа о боярстве как правящем классе Новгородского государства стоит привести показания другого на столетие более раннего западного источника – донесение ганзейцев из Новгорода рижским властям от 10 ноября 1331 г., упоминавшее «300 золотых поясов» (CCC *guldenegordele*), то есть городскую верхушку, в руках которой, по видимому, находились все городские дела (Русско-ливонские акты, собранные К.Е. Напьерским. СПб., 1868. № LXXV. С. 58В).

⁹⁷ *Ibid.* P. 34 (С. 78). П.С. Савельев (Указ. Соч. С. 29) переводит *duc* как «герцог» и считает, что подразумевается приглашаемый в Новгород князь. Однако такое толкование нельзя признать верным, ибо князь никогда не избирался из числа «великих господ», то есть бояр Новгорода, а приглашался извне и был обязательно представителем княжеской династии.

⁹⁸ См.: *Бернадский В.Н.* Указ. соч. С. 21-23; Янин В.Л. Проблемы социальной организации Новгородской республики. С. 69-75; Янин В.Л. Расцвет и падение русской Венеции. С. 9, 10.

⁹⁹ См. о ней: *Potvin Ch.* Introduction // *Lannoy Gh. de. Oeuvres* P. 6.

Новгорода, не сильно, тем не менее, меняющее набросанную ранее картину его государственного строя. «И нет у них, - сказано в нем, - другого короля и господина, кроме великого короля Московского, государя Великой Руси, которого они, когда хотят, имеют [своим] господином, когда не хотят, не имеют»¹⁰⁰. Итак, оказывается, Новгород нельзя считать абсолютно независимым государственным образованием, ибо все-таки у него есть сюзерен в лице великого князя Московского (в тот период Василия I), пусть формально, поскольку на деле новгородцы, случалось, могли отказать ему в повиновении.

Этот фрагмент, сохранившийся лишь в одной редакции, важен еще в нескольких отношениях. Во-первых, Новгород (а затем и Псков), воспринимался только в качестве части Руси, которая, как сказано в другом месте, «весьма велика»¹⁰¹. Более того, ниже, сообщая о посещении Пскова, Де Ланноа назвал его «городом королевства и государства Русского (duroyaumeetseignouriedeRussie)»¹⁰², явно подразумевая государственное единство русских земель, хотя его дальнейший опыт, более позднее путешествие по Юго-Западной Руси, должен дать свидетельства политической раздробленности территорий, населенных русской народностью. Во-вторых, географическую деноминацию «Великая Русь» Де

¹⁰⁰ “Et n’ont aultre roy et seigneur que le grant roy de Musco, seigneur de la grand Russie, lequel ilz retiennent pour seigneur quant ilz veullent, et quant ilz veullent, non” (*Lannoy Gh. de. Voyagesetambassades. P. 33. N 3 (C. 79. N 3)*). О непростых отношениях Новгорода с московскими князьями см.: *Карамзин Н.М. История государства Российского. М., 1993. Т. V. С. 102, 103, 118, 119; Соловьев С.М. Сочинения. М., 1988. Кн. II. С. 349-353; Soloviev A. V. Le voyage de messiere de Lannoy dans le Pays Russes. P. 793; Бернадский В.Н. Указ. соч. С. 214-231; Янин В.Л. Новгородские посадники. С. 344-349.*

¹⁰¹ *Lannoy Gh. de. Voyages et ambassades. P. 33 (P. 77).*

¹⁰² *Ibid. P. 36 (C. 78).*

Ланноа упоминает дважды, но в несовпадающих значениях: в одном случае под «Великой Русью» он имеет в виду новгородские земли¹⁰³, в другом, в цитированном только что добавлении ко второй редакции «Путешествий и посольств», - «Великой Русью» названы владения «великого короля Московского»¹⁰⁴, то есть Северная Русь, возможно, включая Новгородчину. Здесь Де Ланноа воспроизводит географическую номенклатуру, выработанную, скорее всего, в Византии и, как видно, хорошо известную в Европе¹⁰⁵. Наконец, в третьих, великий князь Московский именуется

¹⁰³ «И русские Великой Руси не имеют других господ, кроме этих, [выбираемых]...» (Ibid. P. 33 (C. 78)).

¹⁰⁴ Ibid. P. 33. N 3 (C. 79. N 3).

¹⁰⁵ Нужно уточнить, что на византийском происхождении деления Руси на «Великую» и «Малую» (к последней поначалу относились преимущественно галицко-волынские земли) настаивал А. Соловьев, хотя в цитированном им греческом документе за 1305 г. (или за 1303 г., по А.И. Назаренко) говорится о «Великой России (или Руси)» (ἡ Μεγάλη Ῥωσία) в значении всей, то есть огромной Русской страны, тогда как к «Малой России (или Руси)» (ἡ Μικρὰ Ῥωσία) или к «Галицкой Малой Руси» (τῆς Γαλιτζίης τῆς Μικρὰς Ῥωσίας) отнесены территории епархий Галича, Владимира, Перемышля, Луцка, Турова, Холма (См.: *Notitiae episcopatum Ecclesiae Constantinopolitanae*. P. 403. Append. 2, 3). Исследователь полагал, что именно на рубеже XIII-XIV вв. в выделении из общерусской (киевской) метрополии самостоятельной Галицкой метрополии «”в просторечии” ее, “вероятно, стали сейчас же называть” “митрополией Малой Руси”, в отличии от “митрополии Великой Руси”, сохранившей большее число епархий (курсив мой – *Авт.*)» (Соловьев А.В. Великая, Малая и Белая Русь // Вопросы истории. 1947. N 7 (С. 24-38). С. 28). Впрочем, А.И. Назаренко справедливо полагает, что названия «Великая Россия» и «Малая Россия» были созданы «константинопольской патриаршей канцелярией и не имели отношения к реальному древнерусскому

словоупотреблению» (*Назаренко А.В.* «Новороссия», «Великороссия» и «вся Русь» в XII в.: церковные истоки этнополитической терминологии. С. 258, 259, 266). В цитированном документе – перечне митрополий Константинопольского патриархата – «Великая Русь» не имела еще определенного значения части, пусть и большей, Русской страны, отличной от «Малой Руси» и противопоставленной ей.

Хотя, похоже, такое значение словосочетания «Великая Россия (или Русь)» можно найти в одном западноевропейском тексте рубежа XIII-XIV вв. Речь идет о сочинении Марко Поло. Во французской и, как принято считать, самой ранней редакции его мемуаров (1298 г.), заканчивая описание расположенной на севере «страны Тьмы» (*provenced'Obscurité*), он замечает, что «Великая Россия граничит с одной стороны с этой областью» (*lagrantRosée [Russie] confinedeleunchiefconcesteprovence*) (*Polo Marco. Lelivre / Ed. par M.G. Pauthier. Paris, 1865. Pt. 2. P. 752; Минаев И.П.* Путешествие Марко Поло. Перевод старофранцузского текста. СПб., 1902. С. 335. Странно, что А. Соловьев, специально изучавший происхождение терминов «Великая Россия» и «Малая Россия» и даже цитировавший Марко Поло, не обратил внимания на указанное выше место в сочинении венецианского путешественника: *Соловьев А.В.* Великая, Малая и Белая Русь. С. 27). Под «Великой Россией» Марко Поло скорее всего подразумевал определенную часть ее, а не ее огромные размеры. О них он говорит чуть ниже и по-иному: «Россия превеликая страна, расположенная к северу» (*Rosieestunegrandismeprovencevertramontaine*) (*Polo Marco. Lelivre. Pt. 2. P. 752*). Кроме того, он уточняет, что именно «Великая Россия», а не просто «Россия», граничит со «страной Тьмы», то есть Заполярьем, и это соответствует действительности и заставляет думать, что он имел в виду конкретные северные ее области.

Упоминание о «Великой России» имеется еще лишь в одной редакции воспоминаний Марко Поло – венецианской (начало XIV в.) – “*lagranRosia*”

(*Marco Polo. Il "Milione" Veneto ms. CM 211 della biblioteca civica di Padova / A cura di A. Barbieri e A. Andreose. Padova, 2003. Cap. 154. P. 248*), тогда как во всех других (о них см.: *Кудрявцев О.Ф. От средневековых описаний Руси к ренессансным: картины русской жизни у Марко Поло и его продолжателя* (в печати)) говорится только «Россия» без каких-либо уточнений. Это произошло скорее всего потому, что перелагатели труда Марко Поло на тосканский диалект или на латынь поняли «lagrantRosée» не как географическое название, а как характеристику-уточнение в смысле «огромная Россия», каковое во фразе «огромная Россия граничит с одной стороны с этой областью» должно выглядеть нелепым, тем более, что чуть ниже о великих размерах Руси говорится особо; в итоге редакторской работы «Великая Россия» стала просто «Россией».

Итак, текст Марко Поло конца XIII в. уже фиксирует имя «Великая Россия» для обозначения определенной, северной, части Русской страны. Но если есть «Великая Россия», то должна по крайней мере предполагаться «Малая Россия», хотя этого названия в сочинении венецианского путешественника нет. Как мы видели выше, оно вскоре появилось, правда, в документах иного рода. Но прежде стоит обратить внимание на одну говорящую деталь – у Марко Поло написание Руси дается не в огласовке на «и» как «Russia» (или Ruscia, Ruzzia, Ruthenia и т.п.), что было широко принято на латинском Западе, а, как в византийских документах, – через «о» как «Rosée», «Rosie» (или Rosia, Rossia – в переложении на итальянские диалекты), что соответствует византийскому произношению и написанию имени Русь - Ρωσία (См.: *Соловьев А.В. Византийское имя России // Византийский временник. М., 1957. Вып. XII (С. 134-155). С. 136-139; Клосс Б.М. О происхождении названия «Россия». М., 2012. С. 25*). Это дает основательный повод заключить, что на географическую номенклатуру Руси у Марко Поло решающим образом повлияла византийская традиция. Так что предположению А. Соловьева о византийском происхождении

подразделения Руси на Великую и Малую можно найти аргументированное подкрепление в тексте Марко Поло.

Похоже, «Великая Россия» в качестве определенной территории упоминается в греческом каталоге архиерейских кафедр, составленном во времена императора Андроника Палеолога Старшего (ум. 1327 г.); в нем сказано, что Литва, принадлежавшая к митрополии «Великой России» (τῆςΜεγάληςΡωσίας), была сделана при указанном императоре и патриархе Иоанне Гликe (занимал патриарший престол с мая 1316 г. по май 1320 г.) особой митрополией (NotitiaeepiscopatumEcclesiaeConstantinopolitanae. P. 399. См. также: *Голубинский Е.* История русской церкви. Период второй, Московский. Т. II. Первая половина тома. М., 1900. С. 128, 129; *Соловьев А.В.* Великая, Малая и Белая Русь. С. 29). «Великая Россия» здесь уже не может быть вся огромная Русская страна, но только - бóльшая ее часть, по крайней мере без галицко-волинских земель, которые имели к тому времени собственную церковную организацию.

Тогда же – 1327 и 1335 гг. – в латинских источниках польского и западнорусского происхождения фиксируются новые упоминания «Малой Руси» (см. выше С? № ?). Но наибольший интерес представляет собой современный им документ, в котором речь идет одновременно и о «Великой Руси», и о «Малой» Руси и четко установлено их местонахождение: «Есть Великая и Малая Русь. Великая расположена на севере, на запада она граничит с Ливонией, в которой братья-крестоносцы владеют большими землями, на востоке – со Скифией и землей татар [хана] Узбека. На юге находится Малая Русь...» (“EtestRusciamajoretminor. MaiorveroaseptentrioneconfineshabetaboccidentemcumLivonia, inquafratrescruciferorumhabentmagnasterras, aborientecumSythia[=Scythia] etterraHusbecciTartari. A meridie autem est Ruscia minor...”). См.: *Kunstmann Fr.* Studien über Marino Sanudo den Aelteren... P. 105). Такие сведения привел венецианский государственный деятель и путешественник Марино

Санудо Старший в послании к королю Франции Филиппу IV (датировано 13 октября 1334 г.). Он четко обозначил географию Руси в терминологии, еще, как видно, неизвестной на западе Европы, но уже активно используемой на ее востоке и особенно юге – в Венеции.

Венеция, как известно, поддерживала самые тесные контакты с Византией, в ней постоянно находились греки, равно как и венецианцы в немалом числе в Константинополе и его владениях; поэтому совсем не случайно византийская номенклатура географического деления Руси прижилась вначале в Венеции и уже оттуда, как свидетельствует письмо Марино Санудо Старшего к французскому монарху, распространилась по Европе.

В 1347 г. церковный собор в Константинополе отменил произведенное ранее разделение русской церкви на две митрополии, поэтому в императорском хрисовуле, изданном по его следам, говорится о воссоединении епископий «всей России, Великой и Малой» (τὴν πᾶσαν Ῥωσίαν, τὴν τε Μεγάλην καὶ τὴν Μικράν) под началом единой киевской митрополии. Этой же теме посвящена грамота византийского императора волынскому князю Димитрию-Любарту Гедиминовичу, повелевающая, чтобы «по всей России, Великой и Малой, была одна метрополия» (Acta et diplomata graecae medii aevi sacra et profana. Vol. I. P. 264, 265; см. также: РИБ. СПб., 1880. Т. VI. Приложения. С. 29). Названия «Великой России» и «Малой России» то и дело всплывают в переписке второй половины XIV в. византийских церковных властей с литовскими и русскими князьями и королем польским; причем к «Малой России» относились то галицко-волынские епархии, то все церковные округа политически подчиненных Литве и Польше русских земель, за исключением Киева, который лишь единожды (в грамоте патриарха Филофея 1354 г.) указан в составе «Малой России» (Подробнее см.: *Соловьев А.В.* Великая, Малая и Белая Русь. С. 31, 32; *Соловьев А.В.* Византийское имя России. С. 142).

После очередного временного восстановления единства митрополии в 1388-1389 гг. названия «Великая Россия» и «Малая Россия», по наблюдению А. Соловьева (*Соловьев А.В.* Великая, Малая и Белая Русь. С. 33), исчезают из церковных документов. Впрочем, Противореча самому себе, А. Соловьев цитирует патриаршую грамоту 1401 г. (Там же. С. 34. № 50), в которой речь идет о «рукоположении епископов в Малой России» (*Actaetdiplomatagraecamediaaevisacraetprofana. Vol.II. P. 529*). Как бы то ни было, а в XV в. имена «Великой России» и «Малой России», что видно по документам разного типа, были хорошо усвоены и понятны в западной, латинской части Европы. Кроме приведенных в нашем тексте упоминаний Гильбером де Ланноа «Великой Руси» применительно к землям Новгорода и Москвы, стоит также назвать послание 1413 г. великого магистра Тевтонского Ордена своему двоюродному брату фон Плауэну о том, что великий князь Литовский Витовт сговорился против рыцарей со Псковом, Новгородом и с Великой Русью (*mitdengrossenRussen*) (Цит. по: *Карамзин Н.М.* История государства Российского. М., 1993. Т. V. С. 301 № 216; *Соловьев А.В.* Великая, Малая и Белая Русь. С. 33). В 1436 г. на венецианской карте Андреа Бьянки в северной ее части дважды встречается надпись «Росия» (*Rosie*) и еще одна находится под изображением шатра с сидящим в нем правителем, по бокам которого стоят два вооруженных стража, и гласит «Империя Великая Росия» (*ImperioRosieMagna*) (См.: *Nordenskjöld N.A.E.* Periplus. Stockholm, 1897. Tabl. IX, XII; *Lelewel J.* Géographie du Moyen Age. Bruxelles, 1852. Т. II. P. 27, 68; *Багров Л.* История русской картографии. М., 2005 (1 изд. – 1975 г.). С. 56, 57). Во второй половине XV в. известный польский хронист Ян Длугош (завершивший свой труд – *Annales seu Cronica inclitiregni Poloniae Ioannis Dlugossii* – к 1480 г.) упоминает (*Lib. I*) «болота и пустыни Великой Руси (*Russie Maioris*), близ города Полоцка», откуда берет начало река Березина (См.: *Щавелева*

«великим королем», титулом, который использовался в отношении его предшественников в византийских документах XIV в.¹⁰⁶ и зафиксирован в договоре 1417 г. ливонских рыцарей со Псковом, интересном еще и тем, что – и на это важно обратить внимание – «великий король Московский» назывался в нем, кроме того, «русским императором» (*grotmechtigheHere, degroteKonyngvonMoskowe, deRuscheKeyser*)¹⁰⁷. Таким образом, по справедливому наблюдению А.В. Соловьева, титулатура, используемая Де Ланноа, находит соответствие в той, которую употребляли балтийские немцы¹⁰⁸.

О хозяйственной жизни Новгорода Де Ланноа сообщает данные краткие и явно неполные, но, как правило, экзотические для западного читателя. Так,

Н.И. Древняя Русь в «Польской истории» Яна Длугоша (книги I-VI). Текст, перевод, комментарий. М., 2004. С. 71, 217).

Равным образом, как было показано в начале настоящего раздела (Гл. 2. **Пар. 1. С. ??**), в XV в. сохраняется в употреблении и географическое название «Малой Руси» для обозначения прежде всего юго-западных русских земель, как это мы находим у Шильбергера, именовавшего Львов их главным городом.

¹⁰⁶ Симеон Гордый, как Иван Красный и Дмитрий Донской, названы в византийских документах «μέγαρόῃξπάσηςΡωσίας» (*Actaetdiplomatagraecamediaaevisacraetprofana. Vol. I. P. 263, 267, 338, 516, 523, 524; Vol. II. P. 12, 15*), Василий в 1393 г. – «великим королем Московским в всея Руси», «μέγαρόῃξΜοσκ[χ]οβίουκαίπάσηςΡωσίας» (*Ibid. Vol. II. P. 12, 188*), тогда как князь смоленский Святослав – просто «великим королем», «μέγαρόῃξ» (*Ibid. Vol. I. P. 524*). См. также: *Соловьев А.В. Византийское имя России. С. 142; Soloviev A. V. Le voyage de messiere de Lannoy dans le Pays Russes. P. 793.*

¹⁰⁷ Документ приведен Н.М. Карамзиным (Указ. соч. Т. V. С. 293. N 202).

¹⁰⁸ *Soloviev A. V. Le voyage de messiere de Lannoy dans le Pays Russes. P. 793.*

он пишет, что «на рынке Новгорода Великого не продают ничего живого, ни [свежего] мяса свиней, ни овец, ни птицы никакой – все это забито и заморожено (*mortetengelé*)»¹⁰⁹. Он посетил Новгород Великий зимой и сам мог видеть непривычную картину торговли морожеными продуктами. Но возникает вопрос, более, чем уместный, - почему Де Ланноа ни словом не упоминает о внешней торговле Новгорода, чем богат он и подвластные ему территории, что они продают купцам балтийских стран и что сами новгородцы покупают? Ведь сам Де Ланноа явился на Русь «под видом купца» и подобными сведениями должен был владеть. В качестве денег новгородцы используют «слитки серебра (*keucellesd'argent*) около шести унций весом, не имеющие клейма», а золотой монеты не чеканят вовсе; «в качестве мелкой монеты они используют головы белок и куниц»¹¹⁰. Как видно, в Новгороде сохранилась достаточно архаичная система в сфере обмена; впрочем, отечественная летопись под 1410 г., то есть до визита Де Ланноа в Новгород, сообщила о том, что «начаша новгородци торговати промежи себе лопьци и гроши литовьскими и артуги немечкыми, а куны отложиша»¹¹¹. Почему Де Ланноа этого не заметил – то ли новые, заграничные деньги еще не прижились, то ли путешественник использовал, не проверив ее, старую информацию, - сказать невозможно.

¹⁰⁹*Lannoy Gh. de. Voyages et ambassades.* P. 35 (P. 78).

¹¹⁰*Ibid.* P. 33 (С. 78). Вес этого слитка серебра (гривны-рубля), по подсчетам Н.П. Бауэра (История древнерусских денежных систем (IX-1535 г.); в печати), должен был составлять в конце XIV-начале XV вв. около 184 г.; до этого больше – 197 г.

¹¹¹ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов // ПСРЛ. М., 2000. Т. III. С. 402. См. также: *Савельев П.С.* Указ. соч. С. 29.

Что касается религии, то русские, пишет Де Ланноа, держатся «христианского закона», хотя и «по их вере, такой же, как у греков»¹¹², добавляет он, тем самым подразумевая их отличие от исповедующих католичество западных христиан. Невольное его уважение вызывает число церквей, которые находятся, по его словам, в Новгороде, - 350¹¹³. Цифра явно завышенная¹¹⁴, скорее всего сообщенная бургундскому рыцарю самими новгородцами, желавшими таким образом подчеркнуть свою набожность. Упоминает он тут же и соборную церковь Св. Софии (l'amaistre esglise de Sainte Sophie), почитаемую новгородцами, в которой находится резиденция (lademeure) их епископа.

Отличие русских, новгородцев, от европейцев Де Ланноа находит и в нравах. Так, он рассказывает о поразившей его торговле женщинами, которую он то ли наблюдал в Новгороде сам, то ли описывал с чужих слов: «В их городе есть рынок, где они продают и покупают своих женщин, поступая по их закону... И обменивают своих женщин одну на другую за слиток или два серебра, как сговорятся, чтобы один возместил разницу в цене другому»¹¹⁵. Итак, судя по словам Де Ланноа, речь идет о продаже или обмене с доплатой женщин, причем каких, непонятно – в тексте сказано

¹¹²

“Ettiennetaussy tous les autres Russes de la Russie... l'aloychristienne en leur créance, sy comme les Grecs” (*Lannoy Gh. de. Voyages et ambassades*. P. 33 (P. 77)).

¹¹³Ibid. Эта информация о числе церквей выпала в переводе Студента Емельянова (Указ. соч. С. 24). См. также: Хрестоматия по истории СССР с древнейших времен до конца XV в. / Под редакцией М.Н. Тихомирова. М., 1960. С. 546).

¹¹⁴ По мнению А.В. Соловьева (*Soloviev A. V. Le voyage de messire de Lannoy dans le Pays Russes*. P. 792), цифру эту можно принять, если в нее включены частные часовни новгородцев.

¹¹⁵*Lannoy Gh. de. Voyages et ambassades*. P. 33, 34 (P. 77).

leurs femmes, но это могут быть и жены, и женская прислуга и кто-угодно женского пола. В русских источниках о подобном обыкновении торговать на рынке женщинами никаких сведений нет¹¹⁶. Впрочем, сто лет спустя о чем-то подобном сообщит в своем отчете о миссии в Москву к великому князю Василию III императорский дипломат Франческо да Колло¹¹⁷. Подозревать, что Де Ланноа, как потом Да Колло, всю эту торговлю женщинами выдумал, вряд ли будет правильно, его слова фиксируют какое-то явление. Но какое? По мнению П.С. Савельева, «основание этой сказке был, вероятно, обычай давать калым за жену, непонятый рыцарем; или же он принял в буквальном смысле выражение *купец* и *товар*, употребляемый в народе, когда говорится о женихе и невесте»¹¹⁸. Однако на свадебные обыкновения то, что описал Де Ланноа, вряд ли похоже. Скорее всего, речь идет о продаже или обмене женщин-рабынь (холопок), поскольку рабы считались имуществом хозяина и, как любое имущество, их могли отчуждать за деньги. Комментируя это обыкновение новгородцев, Де Ланноа замечает, что они «поступают по их закону» и добавляет: «мы же, истинные христиане, не посмели бы этого делать никогда в жизни»¹¹⁹. Таким образом, русские «изобличены» и в ложно исповедуемом (то есть неистинном) христианстве, и в варварстве, и решительно противопоставлены тем, кто назван «истинными христианами», западному миру. Впрочем, в этом случае противопоставление явно некорректное, потому что, если на Руси и могли торговать людьми лично зависимыми, то сходные категории зависимости сохранялись в XVв. во многих частях католической Европы, а главное – купечество именно

¹¹⁶ См также: Савельев П.С. Указ. соч. С. 30.

¹¹⁷ Колло Фр. да. Доношение о Московии / Подготовка текста и перевод на русский язык О. Симчич. М., 1996. С. 53, 66.

¹¹⁸ Савельев П.С. Указ. соч. С. 31.

¹¹⁹ “...eulz de leur loy, mais nous les francs cristiens ne l’oserions faire, sur la vie” (Lannoy Gh. de. Voyagesetambassades. P. 33 (P. 78).

католических государств (прежде всего, Генуи и Венеции) наживалось в этот период на хорошо налаженной и широкомасштабной работорговле на Черном и на востоке Средиземного морей, жертвами которой были захваченные в плен представители христианских народностей этих регионов¹²⁰. И, как видно, «их закон», пользуясь выражением Де Ланноа, позволял европейским купцам делать это.

Кроме Новгорода, в эту же поездку Де Ланноа посетил «другой большой и укрепленный город королевства и государства Русского, именуемый Псков»¹²¹. Укрепления его, уточняет Де Ланноа, состоят из «каменных стен и башен»; «и есть в нем огромный замок, в который никакой истинный христианин (*francqcrisien*) не может проникнуть под страхом смерти»¹²². И опять мы находим противопоставление русских «истинным христианам», или тем, кто исповедует католическую веру, призванное подчеркнуть их ущербность, неполноценность в качестве приверженцев восточного обряда. Псков Де Ланноа называет самоуправляющимся городом, находящимся «в подчинении королю Московскому». Впрочем, это подчинение не было полным и не помешало псковичам расстаться с присланным из Москвы князем. «И в то время, когда я там находился, - свидетельствует Де Ланноа, - их король находился в ссылке и изгнании в Новгороде Великом, где я его и видел»¹²³. Речь идет о князе Константине Дмитриевиче, сыне Дмитрия Донского, о котором во второй псковской летописи под 1413 г. (по русскому

¹²⁰ См. упоминания о работорговле, которую практикуют европейцы, прежде всего венецианцы и генуэзцы, и о рабах в Европе у современника Гильбера де Ланноа – Перо Тафура (Странствия и путешествия. 164, 204).

¹²¹ Ibid. P. 36 (C. 78).

¹²² Ibid. (C. 78).

¹²³ «... et est seignourie à part luy dessoubz le roy de Moeusco. Et avoient, ou temps que je fus là, exilé et enchassié leur roy que je vëy en la grant Noegarde» (Ibid. P. 36; C. 78).

летоисчислению – 6921 г.) сказано: «Того же лета князь Костяньтин отъеха в Новьгород, и тамо пребысть год»¹²⁴.

Де Ланноа указывает некоторые особенности внешнего вида русских – факт весьма примечательный и необычный для землеописателей того времени. Так, по его словам, в Новгороде «у женщин волосы заплетены в две косы, спускающиеся сзади на спину, у мужчин – в одну косу», тогда как у мужчин Пскова волосы ниспадают на плечи, а женщины этого города носят «круглый венец за головой, как у святых»¹²⁵, уточняет он, удачно находя понятное всякому европейцу сравнение, и в этом своего рода нимбе легко угадывается кокошник.

Говоря о климате русских земель, Де Ланноа все время акцентирует внимание на великой стуже и обусловленных ею природных явлениях, свидетелем коих, если верить его словам, ему довелось быть. «Замечательно, - пишет он, - было бы рассказать о тамошних морозах, поскольку мне пришлось ехать по морозу». И вот «одно из чудес, производимых там морозом»: во время езды лесом он слышал треск деревьев, раскалывавшихся сверху донизу (*duhaultenbas*). И в этом «свидетельстве» явное преувеличение, ибо, если в сильные морозы деревья действительно трескаются, издавая соответствующие звуки, то невероятно, чтобы они при этом раскалывались от корня до кроны. Еще невероятнее «другое чудо, производимое холодом»: Де Ланноа уверяет, будто в глиняном горшке с водой и мясом, поставленном на огонь в сильный мороз, «вода кипела на одной стороне и превращалась в лед – на другой» (*jevëisl'eaueboulliràl'undeslezdupotetengeleràglaseàl'autrelez*), во что поверить невозможно, ибо высокая теплопроводность воды не позволила бы в закрытом небольшом ее объеме одновременное осуществление двух диаметрально противоположных температурных

¹²⁴Псковская 2-я летопись // Псковские летописи. М., 1955. Вып. 2. С. 36.

¹²⁵*Lannoy Gh. de. Voyages et ambassades. P. 33, 37 (P. 78).* См. также: Савельев П. С. Указ. соч. С. 33, 34.

процессов и, соответственно, образование разных физических ее состояний. Также нельзя давать веры словам бургундского путешественника о том, как две серебряные чаши примерзли к его «теплым рукам», когда он набирал в озере воду подо льдом, потому что примерзнуть к рукам, если они не отморожены и сохраняют температуру человеческого тела, металлические предметы не могут (если все таки поверить Де Ланноа, то интересно было бы узнать, как же он отдирает эти, якобы, примерзшие к рукам чаши – по живому, оставляя на них кожу рук и кровь?). Не очень понятно, что происходило с комьями конского помета, лежащими оледенелыми на земле, которые, если верить Де Ланноа, под действием холода разлетались вверх (то есть взрывались?) (*quiestoient sur la terre engellées, saillir contremont, du froit*). Среди этих занимательных рассказов о русском морозе есть и вполне правдивые, как, например, о том, что две серебряные чаши после набора ими воды, будучи вложены одна в другую, смерзлись, или о том, что зайцы в этой стране «совершенно белые зимой и совершенно серые летом», иными словами – линяют, а также о том, что на морозе борода, брови, веки от человеческого дыхания становятся заиндивелыми и покрываются льдинками¹²⁶.

Вводя в описание Руси фантастические, способные поразить воображение и удивить сюжеты, Де Ланноа, конечно же, стремился повесить интерес читателя к своим заметкам; но именно поэтому не стоит переоценивать «объективность» и «достоверность информации»¹²⁷, сообщаемой им о Новгороде и Пскове. Как не надо полагать, что всему, им сказанному, он был очевидцем. Не мог за свой недолгий срок пребывания на Руси он видеть сезонную линьку зайцев или полный сбор новгородской конницы, чтобы пусть приблизительно (хотя и неправильно) определить ее численность.

¹²⁶*Lannoy Gh. de. Voyages et ambassades. P. 34, 35 (P. 78).*

¹²⁷*Канпелер А. Указ. соч. С. 52; Mund St. Guillebert de Lannoy, un observateur fiable de la réalité russe au début du XVème siècle. P. 192.*

Какие-то сведения были ему сообщены, и, возможно, еще до посещения им Новгорода и Пскова, немецкими рыцарями или купцами, какие-то он добавил сам. Похоже, что в среде немцев, имевших дело с Русью, складывался, постепенно пополняясь, цикл анекдотических историй о ней, прежде всего о ее климате и природе (похожих на те, которые позже будут отражены в русских похождениях барона Мюнхаузена), призванных показать нелегкие, почти *нечеловеческие* условия жизни в этой северной стране. Невольно напрашивается сопоставление с популярным в средние века античным учением об обусловленной суровым климатом неполноценности обитателей севера. И хотя Де Ланноа, лучше владевший мечом, чем пером, едва ли читал на эту тему Аристотеля или Фому Аквинского и иных средневековых толкователей античного мыслителя, тем не менее какую-то вульгаризированную версию их идей, имевшую характер устойчивого общественного убеждения, он, несомненно, знал и разделял. Поэтому нет оснований превозносить Де Ланноа за «отсутствие предубеждений» в описании Новгорода и Пскова, полагать его «образ России» объективным¹²⁸. Согласимся с Каппелером в том, что действительно Де Ланноа никогда не называет русских «неверными», хотя характеризует этим словом поляков и литовцев¹²⁹. Но нельзя не заметить и того, что он не раз противопоставляет русским «истинных христиан», то есть исповедующих католицизм европейцев, определенно указывая этим на неполную их веру и подчеркивая неприятие их нравов, противных человечности (речь идет, в частности, о будто бы ведшейся в Новгороде торговле женщинами). Для Де Ланноа, как и для его средневековых предшественников, Русь – это «другой мир», весьма экзотический и не лишенный привлекательности, но все же чужой, сложившийся в трудных природных условиях, в некоторых отношениях просто варварский, таящий в себе угрозу.

¹²⁸Каппелер А. Указ. соч. С. 52.

¹²⁹Там же.

д. Путешествие по Юго-Западной Руси 1421 г.

Де Ланноа довелось побывать на Руси еще раз, но уже в других ее частях и в другом качестве. В 1421 г. он посетил Галицию, Волынь, Подолию – юго-западные земли Руси, поделенные между Польским королевством и Великим Княжеством Литовским, - правя посольство королей Франции и Англии и герцога Бургундского. В ходе своей миссии ему надлежало оповестить европейских государей о заключенном этими королями договоре в Труа (1420 г.), делавшем английского монарха регентом Франции, и провести дипломатическую подготовку крестового похода в Святую Землю, который имел в виду предпринять английский король Генрих V и герцог Бургундский Филипп Добрый¹³⁰.

Из отчета о пребывании в русских пределах в 1421 г. мы почти ничего не узнаем о собственно Руси, потому что Де Ланноа все внимание сосредоточивает на приемах, оказанных ему властителями Польши и Литвы и их подданными. Первым он посетил польского короля Ягайло (Де Ланноа, впрочем, его имя ни разу не упоминает), которого он нашел в Галиции, в местечке Озимины (между Самбором и Дрогобычем), и который оказал бургундскому рыцарю «превеликую честь»: все время держал его при себе, водил с собой на охоту, задал ему два богатейших пира и, когда Де Ланноа уезжал, щедро его одарил лошадьми, шелковыми материями, собольими шкурами, кубками, деньгами, а также «русскими перчатками» (*desgansdeRussie*); в тексте не объяснено, что такое «русские перчатки», можно только догадываться, что они имели форму варежек. Отдельные дары, конечно, не столь богатые, получили другие участники посольства: четыре дворянина, бывшие при Де Ланноа, герольд, повар и кучер (итак, посольство насчитывало, как минимум, восемь человек). Некоторые из близких к королю

¹³⁰*Lannoy Gh. de. Voyages et ambassades. P. 51. См. также: Potvin Ch. Op. cit. P. XVI-XVIII; Halecki O. Op. cit. P. 324-329; Bertrand A. Un seigneur bourguignon en Europe de l'Est. P. 304; МундСт.ЛанноаГильбер. С. 25.*

людей также одарили посла – ловчими птицами, перчатками, собаками, ножами и «русскими постелями» (*litzdeRussie*); в чем состоит особенность этих «русских постелей», определить затруднительно. Затем король отправил Де Ланноа в русский город Лемберг, то есть Львов, господа и горожане которого, его верхушка, задали ему пир и преподнесли ему шелковую материю, а армяне (*lesHermins*), составлявшие, как видно, отдельную и весьма влиятельную общину, одарили его тем же и устроили в его честь танцы и хороший прием с дамами¹³¹, что бургундский рыцарь оценил и не преминул отметить.

Затем Де Ланноа направился в город Бельз (*Belfz*), в тот момент принадлежавший герцогам Мазовецким, к сестре короля герцогине (а точнее, к княгине) Александре (ее он также избегает называть по имени), от которой получил жизненные припасы. Далее он пересек Нижнюю Русь (*labasRussie*) и в городе Каменце (на самом деле речь идет о Кременце на Волыни) нашел «герцога Витовта (*Witholt*), великого князя и короля Литвы» «вместе с женой, в сопровождении татарского герцога и многих других герцогов, герцогинь и большого числа рыцарей». Этот государь оказал Де Ланноа «великие почести», задав ему три пира. На одном из пиров он стал свидетелем приема посольства Великого Новгорода и «королевства Псков». Де Ланноа подробно описал дары, привезенные Витовту из этих русских земель и показывающие, чем они были богаты: перед литовским владыкой выложили куньи шкуры, одежды из шелка, шубы (*soubes*), меховые шапки, шерстяные ткани, «зубы рыб-кураков», золото и серебро. Наряду с импортными товарами, к коим следует отнести одежды из шелка, шерстяные сукна, золото и серебро, новгородцы и псковичи преподнесли продукты собственных промыслов и производства – куньи шкуры, зубы рыб-кураков (скорее всего речь идет о зубах моржей, добываемых новгородцами в Белом море), а также меховые шапки и шубы, типичные для Руси предметы зимней

¹³¹*Lannoy Gh. de. Voyages et ambassades. P. 53, 54 (C. 78, 79).*

одежды, причем название «шубы» дается по-русски без перевода, подобно тому, как указано в рассказе о Новгороде слово «бояре» (Bayares). Если подношения новгородцев Витовт принял, то дары псковичей он, разгневанный на них, по-видимому, за их союз с ливонцами, отказался брать¹³². В свою очередь, сам Витовт при отъезде Де Ланноа пожаловал ему шубы на собольем меху, шелковые материи, лошадей, шапки своего двора и островерхие шапки, татарский лук с колчаном и стрелами, деньги золотом и серебром, а также четыре пары русских дорожных сумок¹³³ и три сумки, разделенные на четыре поля и вышитые. Однако Де Ланноа проявил щепетильность и вернул литовскому государю золото и серебро, ибо «как раз в это время тот был в союзе с гуситами против нашей веры»¹³⁴. Подарки от князя получили и другие участники посольства.

Особенно внимательный к знакам почета и материальным дарам, Де Ланноа записал и о том, как «один русский герцог и герцогиня из его [Витовта] подданных» задали ему пир и одарили «парой вышитых русских перчаток» и еще чем-то, что переписчик не смог разобрать, оставив пустое

¹³² *Lannoy Gh. de.* Op. cit. P. 56 (C. 78). См. подробнее материалы на эту тему: Брун Ф. Путешествия и посольства господина Гилльбера де Ланнуа // Записки одесского общества истории и древностей. 1853. Т. 3. С. 433-465; Карамзин Н.М. История государства российского. М., 1993. Т. V. С. 107, 295; Соловьев С.М. Сочинения. М., 1988. Кн. II. С. 376.

¹³³ Следует согласиться с Ф. Бруном, что в словах “*quatrepairesdetassesdeRussie*” речь идет о том же предмете, что и в чуть ниже расположенных словах “*troistassesescarteléesetbroudées*” (*LannoyGh. de.* Op. cit. P. 57) и что “*tasses*” в данном контексте не «чаши» или «кубки» и не предмет воинского облачения, но, как и немецкое слово “*Tasche*”, могло означать мешки, дорожные сумки и что-то в этом же роде (Брун Ф. Указ. соч. С. 448).

¹³⁴ *LannoyGh. de.* Op. cit. P. 57 (P. 79). Союз с гуситами был заключен Витовтом в 1421 г. в Воранах.

место в рукописи¹³⁵. К сожалению, имени этого русского князя, который, как видно, занимал высокое положение при Витовте, Де Ланноа также не назвал¹³⁶.

От других приближенных Витовта Де Ланноа получил дополнительные подношения, как-то «шапки и рукавицы на меху и татарские ножи»; из числа этих дарителей он выделил, назвав по имени, что в его записках случалось нечасто, упомянутого также в «Хронике» Рихенталя как участника Констанцкого собора Гедигольда, коего бургундский рыцарь называет «капитаном Плюи и Подолии» (*Guedigol, capitainedePluy, enLopodolye*)¹³⁷. По

¹³⁵ “Item, me donnerent ung duc et ducesse de Russie, de ses gens, ung beau disner et une paire de gans de Russie broudez et ung... [пропуск – *Авт.*] (*LannoyGh. de.Op. cit. P. 58 (C. 79)*).

¹³⁶ По предположению А.В. Соловьева, упомянутым Де Ланноа русским князем мог быть кто-то из Гедиминовичей, осевших на Волыни и – добавим – принявших православие; но едва ли им был, как думает Соловьев, Дмитрий, князь Смоленский, упомянутый в 1433 г. как вассал короля польского (*SolovievA.V.LevoyagedemessieredeLannoydanslePaysRusses. P. 795. № 29*). Скорее всего этим князем был кто-нибудь из близ находящихся от Кременца владетелей, например, князь Острожский, влиятельная фигура в тот момент в Великом Княжестве Литовском.

¹³⁷*Lannoy Gh. de.Op. cit. P. 58 (P. 79)*. В «Хронике» Рихенталя в списке господ из «королевств Турции, Литвы и Польши» назван “HerrGergodiGediold”. Правда, по какому-то недоразумению он обозначен как «староста турецкий» “capitaniusTürcorum” (*RichentalU. von. Op. cit. S. 202*). Подробнее об этом персонаже см.: *KlimasP.GhillebertdeLannoyinMedievalLithuania. NewYork, 1945. P. 76, 77; HolbanM.Ducaractèredel’ambassadedeGuillebertdeLannoydanslenordetlesud-estdel’Europeen 1421 etdequelquesincidentsdesonvoyage // Revuedes études sud-esteuropéennes. 1967. T. V. N 1-2 (P. 419-434). P. 425-429.*

правдоподобной догадке Ф. Брюна, Плюи – это скорее всего неточная транскрипция расположенного в Подолии города Пилявцы, его старостой указанный Гедигольд и являлся¹³⁸.

С этим лицом Де Ланноа встречался еще дважды. Во второй раз, после того, как он вернулся во Львов и оттуда, проехав через Верхнюю Русь (laRussielahaute), в Подолии достиг «другого Каменца» (autreKemenich), дивно расположенного», принадлежащего Витовту, - и нет сомнения, что в данном случае речь идет о Каменце-Подольском – и уже там он вновь встретил «одного рыцаря, капитана [то есть старосту – *О.К.*] Подолии по имени Гедигольд (ungchevalier, capitainedeLopodolie, nommé Gheldigold)», который принял его с великими почестями, преподнес прекрасные дары и жизненные припасы и задал ему знатные пиры¹³⁹. В третий раз встреча состоялась у Монкастро, или Белгорода, портового города на Черном море при впадении в него реки Днестр. Де Ланноа попал туда при содействии молдавского господаря Александра, который выделил ему охрану и провожатых. В Монкастро Де Ланноа стал свидетелем, как Гедигольд, названный правителем Подолии (GueldigoldgouverneurdeLopodolye) привел с собой двенадцать тысяч человек и четыре тысячи повозок с деревом и камнем и по приказу Витовта менее чем за месяц воздвиг на одном берегу реки вблизи моря «совершенно новый замок» (chasteltoutneuf)¹⁴⁰, распространив таким образом владения Литвы до Черного моря.

В рассказе о посещении западнорусских земель Де Ланноа их подразделяет на две части – Нижнюю и Верхнюю Русь. Однако, как показал А.В. Соловьев, такое разделение не имеет ничего общего со встречающимся

¹³⁸ О том, что около этого 1421 г. Гедигольд был назначен Витовтом старостой Подолии свидетельствуют польские источники. См.: *БрунФ. Указ. соч.* С. 449, 450.

¹³⁹ *Lannoy Gh. de. Op. cit. P. 58 (C. 79).*

¹⁴⁰ *Ibid. P. 58, 59 (C. 79).*

в документах XV-XVI вв. обозначением Нижней Русью Литовской Руси, а Верхней – северо-восточной, или Московской, Руси¹⁴¹. Если проследить маршрут Де Ланноа, то становится очевидно, что название Верхняя Русь он относит к горной области Карпат в Галиции (по ней он добирался из Льва в Каменец-Подольский), тогда как Нижней Русью он обозначает равнинные просторы к северу и востоку от Львова, или Волынские земли¹⁴².

Вслед за А.В. Соловьевым, стоит обратить внимание, как титулует Де Ланноа восточноевропейских владык. Возвращаясь еще из первой поездки на Русь, Де Ланноа проезжал через Литву, которой владел Витовт, по его словам, «весьма могущественный государь, захвативший вооруженной рукой двенадцать или тринадцать королевств и стран»¹⁴³; так вот самого «герцога Витовта, государя Литвы, его жену и его дочь, бывшую женой великого короля Московского», он застал в замке Позюр (Posur), расположенном на берегу Немана¹⁴⁴. Бросается в глаза, что к Витовту, которого как государя Де Ланноа очень почитает, он применяет титул герцог (duc) (в других случаях

¹⁴¹ *Soloviev A. V. Le voyage de messiere de Lannoy dans le Pays Russes. P. 795, 796.*

¹⁴² *Lannoy Gh. de. Op. cit. P. 55, 58 (C. 79).* См. также: *Soloviev A. V. Le voyage de messiere de Lannoy dans le Pays Russes. P. 796.*

¹⁴³ “...Witholt moult puissant prince, sy a conquesté douse ou trèse que royaumes, que païs, à l’espée” (*Lannoy Gh. de. Op. cit. P. 41*). Витовт захватил Смоленское княжество и Верховские княжества (шесть небольших княжеств в верховьях Оки, образовавшихся в результате распада Черниговского княжества), а также расширил владения Литвы до – в некоторых местах – Черного моря; однако приведенная Де Ланноа цифра в двенадцать или тринадцать королевств и стран, будто бы захваченных им, является явным преувеличением.

¹⁴⁴ “Et là, en cedit chastel [Posur – *Авт.*], trouvoy le duc Witholt, prince de Létau, sa femme et sa fille, femme au grant roy de Musco (*Ibid. P. 42*).

князь, реже король)¹⁴⁵, тогда как московского правителя он неизменно обозначает более высоким титулом «великий король»¹⁴⁶.

ж. Забытые имена, или игнорирование индивидуальности:

об одной повествовательной особенности Гильбера де Ланноа

Когда знакомишься с рассказами о первой и второй поездке на Русь, невольно досадуешь на то, что автор, как правило, не упоминает имена персон, с которыми его сводит судьба. Необъяснимо повезло Витовту, великому князю Литовскому, его имя Де Ланноа называет всякий раз, когда о нем заходит речь; но еще более – Гедигольду, ибо если бы Де Ланноа избегал его именовать, то нам оставалось бы только гадать, кого бургундский дипломат разумел под «капитаном Плюи» или «капитаном [то есть старостой – *Авт.*] Подолии». Но вот имени оказавшего почетный прием бургундскому рыцарю короля Польши Ягайло в мемуарах Де Ланноа нет, как нет и имени герцогини Мазовецкой, которая тоже принимала и одаривала его, а равно и многих других, подчас очень высокого ранга лиц, включая магистратов прибалтийских рыцарских орденов – а ведь как раз под их началом ехал сражаться Де Ланноа за веру. Некоторые имена можно установить по другим источникам, как, например, упомянутых магистров или русского князя (у Де Ланноа названного королем – гоу) Константина Дмитриевича, сына Дмитрия Донского, изгнанного псковичами и встреченного Де Ланноа в Новгороде Великом¹⁴⁷. Однако имена новгородских посадника, тысяцкого и архиепископа, поразивших Де Ланноа необычностью заданного в его честь пира, или имена русских герцога и герцогини (конечно же, князя и княгини), подданных Витовта, угостивших и одаривших его, или «сарацинского герцога из Татарии» (мурзы?) и других «герцогов» из свиты того же

¹⁴⁵См.: Ibid. P. 39-42, 55, 61.

¹⁴⁶См.: Soloviev A. V. Le voyage de messiere de Lannoy dans le Pays Russes. P. 793, 794 № 20.

¹⁴⁷См. вышеС ??.

государя¹⁴⁸ мы так и не узнаем, как не узнаем имена многих иных лиц из стран Западной Европы, Балкан, Турции, Средиземноморья, названных лишь по их титулу, положению в обществе, роду деятельности и т. п.

Чем объяснить это, на взгляд современного человека, странное и недопустимое умолчание об именах собственных, кои следует называть первыми, представляя человека, - забывчивостью автора, его невнимательностью, то есть присущими только ему психическими качествами? Или чем-то другим? О забывчивости и невнимательности Де Ланноа речи быть не может, стоит только обратить внимание, с какой тщательностью и точностью он перечисляет полученные им и его людьми подношения. Конечно же, он знал имена людей, особенно высокого ранга – владетельных государей, могущественной знати, высших городских магистратов, их ему обязательно сообщали встречающие его люди; и, тем не менее, он почему-то далеко не всегда вносил их в свои заметки, составившие основу его мемуаров.

Здесь мы находим не личную, характерную лишь для Де Ланноа особенность восприятия окружающего, а типичную для всякого средневекового человека черту мирозерцания¹⁴⁹. Меньше всего Де Ланноа интересовала индивидуальность упоминаемого им лица; строго говоря он ее совершенно игнорировал. Встречаясь с десятками и сотнями людей во время всех своих странствий и путешествий Де Ланноа избегал рассказывать, как тот или иной человек выглядел – высокого или низкого роста, какой у него цвет волос, кожи, глаз, бросающиеся в глаза приметы, не описывал манеры говорить, одеваться, какие-то стороны натуры или обыкновения. Единственным исключением, пожалуй, является упоминание о «татарине с

¹⁴⁸ *Lannoou Gh. de. Op. cit. P. 55, 56 (C. 79).*

¹⁴⁹ См. об этом также: *Кудрявцев О.Ф. Великая Русь рыцаря Де Ланноа. С. 76, 77.*

бородой, спускавшейся до колен и завернутой в чехол»¹⁵⁰. Но это из области курьезов и Де Ланноа, как и в случае с курьезами природы (например, русскими морозами и производимыми ими эффектами), их обязательно фиксировал. В человеке внимание Де Ланноа привлекало не единичное, или что-то своеобразное, но, наоборот, - общее¹⁵¹. Поэтому наряду с прочими особенными свойствами человека Де Ланноа не называет по большей части и его имя, ибо оно – тоже особенная его черта, но он обязательно указывает, какого статуса или чина человек, обозначает целое, которому тот принадлежит, и какую социально значимую функцию в этом целом играет. И не случайно в повествовании Де Ланноа мы постоянно встречаем, как правило, безымянных государей, титулованных особ, высших городских или орденовских магистратов, не говоря уже о лицах более низкого звания и общественного положения.

x

x

x

Сведения Де Ланноа о Руси, особенно полные и важные в той части, которая посвящена Новгороду, не получили в Европе хотя бы какую-то известность и в силу этого не способствовали ни в середине XV в., ни позже ее знакомству с русским миром. Рассмотренная выше установка средневекового мирозерцания, запрещавшая фиксировать во избежание гордыни всякого рода частные воспоминания, препятствовала наряду с прочим накоплению и распространению известий о других землях, полученных в ходе личного их посещения. Не случайно сообщения Де

¹⁵⁰ “Et y avoit ung Tartre qui avoit sa barbe longue jusques dessoubz le genoul, enveloppée d’un coeuvrechief” (Ibid. P. 56 (C. 79)).

¹⁵¹ См. близкую манеру описания человека в итальянской хронике XIII в.: Кудрявцев О. Ф. «Хроника» Салимбене де Адам: историописатель и время // Салимбене де Адам. Хроника. М., 2004 (С. 825-861). С. 851, 852.

Ланноа о Руси были обречены как составная часть его мемуаров века пролежать в неизвестности.

Должны были произойти существенные изменения в духовном укладе эпохи, которые вместе с так называемой «реабилитацией человека» позволили бы придать цену его личному опыту, то есть пережитому и увиденному им, а также новым сведениям о мире, в этом опыте содержащимся. И вполне закономерно, что первые получившие публичный резонанс донесения о Руси/России, а тем более систематические и всесторонние ее описания – географии, климата, населения, политического строя, экономики, религии, нравов, обычаев и т. п. – появляются с распространением гуманистической образованности и культивируемых ею ренессансных принципов мирозерцания.